

МЕЖ ДВУХ СТОЛИЦ, МЕЖ ДВУХ УБИЙСТВ

ПРЕВОЛАЗ

ЕВГЕНИЯ ЛОГУНОВСКАЯ
МАРИНА ПАВЛОВА

Расследование вели двое

Марина Павлова

Древолаз

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлова М. С.

Древолаз / М. С. Павлова — «Издательство АСТ»,
2024 — (Расследование вели двое)

ISBN 978-5-17-159561-6

Старший следователь Денис Бухарин стараниями своего влиятельного тестя отправляется из Москвы «в ссылку» в Санкт-Петербург. Привычная жизнь рушится в один миг, однако здесь тоже есть работа, которой необходимо заниматься, и в первые же дни на новом месте Бухарин сталкивается с загадочным убийством: глаза жертвы налиты кровью, а на кончиках пальцев страшные ожоги. Но самое поразительное — точно такие же следы были на теле другой жертвы, найденной в Москве на железнодорожных путях за несколько дней до нежданного перевода Бухарина в Северную столицу. Неужели в стране орудует серийный убийца? И если в Москве Денису не дали шанса расследовать преступление до конца, то, возможно, получится раскрыть тайну здесь, в Питере? Разобраться Денису помогает странная девушка Ася Наумова: по образованию — палеонтолог, по профессии — фотограф. Необычной паре детективов предстоит узнать, каким образом связаны жертвы из двух столиц, но главным остается вопрос: успеют ли они предотвратить новые преступления и поймать изощренного убийцу?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159561-6

© Павлова М. С., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	7
I	9
II	11
III	13
IV	15
V	17
VI	19
VII	21
VIII	24
IX	26
X	28
XI	30
XII	32
XIII	35
XIV	37
XV	39
XVI	41
XVII	43
XVIII	45
XIX	47
XX	49
XXI	51
XXII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Евгения Логуновская, Марина Павлова

Древолаз

© Логуновская Е. Ю., Павлова М. С., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Посвящается нашим родителям

Пролог

Иногда бывают дни, когда тебе кажется, что ты все-таки настоящий счастливчик. Такому ощущению могут предшествовать сутки, недели и даже годы неудач. Но в один миг все начинает складываться каким-то сказочным образом, словно чьи-то невидимые добрые руки подхватывают твоё отяжелевшее от тоски и безысходности тело и относят туда, где тебя ждет уверенность в завтрашнем дне. Именно этой самой уверенности у него не было долго-долго, возможно, всю жизнь. Тридцать два года, как тридцать два зуба, – сначала выпадающие молочные, которые можно не заметить и проглотить, затем тупо ноющие и иногда доводящие до хирургического кресла зубы мудрости. . . А в итоге – ни мудрости, ни приятных воспоминаний из детства. Серая каша обрывочных желаний и глупых надежд.

Он стоял на железнодорожной платформе Электрозаводская в сторону Раменского. Дождь хлестал во все стороны, и казалось, что ветер сошел с ума, потеряв свое направление. Но дурацкая погода никак не влияла на его настроение: сегодня должен быть удачный день, и до начала светлой полосы всего-то несколько километров. Электричка издали моргнула ярким фонарем и присвистнула. Потоки воды, льющиеся с неба, в один миг стали яркими, как хвост пронесшейся со скоростью света кометы. Желающих отправиться в пусть даже небольшое путешествие в пределах Москвы не оказалось. Он в одиночестве запрыгнул в тамбур и скинул капюшон, разбрасывая капли во все стороны. В вагон заходить не хотелось, да и не было надобности. Выходить через какие-то пять минут. «Следующая остановка – Сортировочная», – прошипел машинист, и автоматические двери захлопнулись. В тамбуре стало тепло и даже уютно.

Мрачная серость мегаполиса словно пыталась раздавить электричку, сплющить ее тоннами льющейся с черного неба воды. Он натянул капюшон, по привычке потер кончик носа костяшкой указательного пальца и улыбнулся. Полгода в завязке, вполне вменяемый докторишка, который поначалу не внушал доверия. Но родители делали все, чтобы вытащить сына из ада, в котором было не хуже, чем в реальной жизни. Там – не хуже. Именно эти мысли и заставляли его возвращаться туда еще и еще раз. Но этот докторишка не внушал ничего. Просто объяснил, почему там все-таки хуже, чем здесь. И впервые за много лет он решил хотя бы попробовать поверить. «Сортировочная», – снова прошипел машинист. Пара шагов – и он снова в стопроцентной влажности, пробирающейся до мозга костей. В «Телеграм» пришло сообщение, что встреча будет в необычном месте. На путях между платформами Сортировочной и Перово-4. Он с детства обожал поезда и с радостью согласился. В этом прогнившем мире не осталось оригинальных людей. Всех интересуют только деньги. Его деньги тоже когда-то интересовали, но потом они стали лишь звеном на пути к заветной дозе. Полгода без доз, полгода без денег. Родители выдавали только на сигареты. Прямо как в детстве. Никогда не поздно начать все сначала. Это не стыдно. Это похвально. Так говорит докторишка.

Он стоял на условленном месте и курил. А если встреча сорвется? Тогда что? Он почувствовал, как начинает нервничать, и сжал сигарету зубами. Никто не знал, что у него всегда за пазухой была фляжка с каким-нибудь спиртным. Обычно водкой. Сейчас она так же грела его сердце, незаметно булькая и сохраняя тепло человеческого тела. Он сунул дрожащую руку за пазуху и вытащил свое сокровище. Несколько глотков обожгли горло, но сразу же стало тепло и спокойно. В один миг. Никакие таблетки никогда не совершат такое чудо. Он снова закурил.

Мимо пролетела электричка в сторону Казанского, обдав его струей мелких брызг. Сигарета погасла. Фонари отбрасывали тени, и больное воображение рисовало картины, как призраки гуляют под дождем, собирая потухшие бычки вроде того, что он сейчас бросил на рельсы. Вокруг не было ни души, вдалеке снова показались огни приближающегося поезда. Судя по звуку, который он протяжно издавал, это товарняк. Когда-то он хотел проехать на товарняке

от Москвы до Питера. Это было вполне реально, но практически все его мечты остались лишь мечтами. Фонарь во лбу поезда приближался и заворачивал. Уже можно было различить огромную черную голову, извергающую равномерное пыхтение. Ветер стих, словно весь воздух засосала надвигающаяся глыба. Это было похоже на цунами: сначала вода уходит далеко в море, оголяя внезапно открывшееся дно, а затем с новой разрушающей силой возвращается, уничтожая все на своем пути. Он смотрел, прищурившись, на приближающийся состав как замороженный, ожидая резкого порыва ветра. Тело инстинктивно тянулось назад, подальше от рельсов. И вдруг он почувствовал спиной чье-то присутствие.

– Господи! Ну ты умеешь удивить! Зачем пугать-то так?

Страх очень быстро сменился приятным теплом от сбывшихся надежд и предвкушением веселого вечера. Друзья давно отвернулись от него, а те, с кем он делил иглу, сейчас или на кладбище кормят червей, или объявлены в бессмысленный розыск как пропавшие без вести и, возможно, прямо сейчас делают свой последний вдох на мусорной свалке.

– Это что? – спросил он, принимая в руки подарочную коробку. – Это мне?

Он ощутил одновременно азарт, волнение и особое щемящее чувство, когда получаешь то, чего, как всегда считал, был недостоин.

– Ничего себе... – прошептал он, снимая крышку.

Испуг, отвращение, восхищение. Именно эти эмоции могут возникнуть, когда ты видишь то, что увидел в коробке он. Улыбка продолжала играть на его лице в момент, когда он коснулся кончиками пальцев своей смерти.

I

Москва

Следователь СК Денис Бухарин перешагивал рельсы, очередной сильный порыв ветра едва не сбил его с ног. На железнодорожных путях недалеко от станции Сортировочной было ветрено, поэтому оперативники кутались в капюшоны, кепки и что у кого было.

– Что у нас? – спросил Денис.

– Парень, лет 30–35. Никаких следов насилия. Если что-то будет, скажу позже, – ответил криминалист Матвей Егоркин.

– А Камаева могла сразу, – буркнул Денис.

Криминалист нервно поправил очки и едва заметно покраснел.

Денис подошел к телу, накрытому простыней, сел на корточки и откинул ткань в сторону. Всматриваться в лица покойников Бухарин привык давно. Иногда на них можно увидеть застывшие эмоции, иногда – безнадежность, иногда – ужас или муки. Сейчас же картина была похожа на кадр из какого-нибудь дешевого триллера. Белочная оболочка в глазах была кроваво-красной. Бухарин профессиональным взглядом окинул мертвого парня и быстро вернул простыню на место.

– Документы? – спросил Бухарин, сглотнув слюну и отойдя в сторону.

– Нету. И мобильника нет, – ответил Кротов, напарник Бухарина.

– Есть! Нашел! – послышалось сквозь гул проводов.

Через рельсы перепрыгивал пухлый полицейский, вскинув короткую руку вверх.

Бухарин потер виски и слабо ухмыльнулся.

– Сегодня все работают на удивление шустро. А это что такое? – Денис увидел присевшую над трупом женщину. – Эй!

Женщина в оранжевой болоньевой куртке не обратила внимания на окрики и как будто шаманила над мертвецом.

– Твою мать! – Бухарин резко схватил ее за плечо.

Женщина обернулась.

– Камаева?! Ты что тут делаешь? У тебя декрет!

Женщина серьезно посмотрела на Бухарина, ничего не ответив, и только кивнула на погибшего.

– Что?

Денис бросил взгляд на труп, затем на Камаеву.

– Смотри сюда.

Камаева указала, не дотрагиваясь до трупа, на кисть. Бухарин присел на корточки и прищурился. На левой ладони были едва заметные волдыри.

– А теперь посмотри на правую. А именно – на кончики пальцев.

Денис выгнул шею и бросил взгляд на правую руку мертвого парня. На кончиках пальцев также обнаружили небольшие волдыри. Камаева смотрела на Бухарина строгим взглядом, от которого ему всегда становилось стыдно. Она относилась к работе серьезно – как никто другой.

– Ожог?

– Возможно. Детально надо изучать. Больше всего меня волнуют его глаза. Субконъюнктивальное кровоизлияние. Просто адское какое-то.

– Прямо как томатный сок вкачали. Но все-таки, Камаева? Тебе ж, поди, малюго кормить надо, чего ты шастаешь тут?

– С ним сестра сидит. А я вышла выгулять Монса.

Бухарин оглянулся.

– И где Монс?

Камаева улыбнулась и кивнула в сторону полицейских, оцепивших территорию. Один из них держал на поводке маленькую собачку и что-то ей говорил.

– Вали отсюда, – нежным шепотом сказал Бухарин.

Камаева быстрым шагом пошла в сторону полицейского с собакой, а Бухарин ответил на звонок по мобильному.

– Да, милая. Конечно, буду. Я помню. Важный ужин у твоего отца с важными людьми. Да. Слушай, меня тут дергает Кротов, у нас труп, да. Счастливо, целую.

Бухарин отключил мобильный и вздохнул.

– Кротов, говоришь, дергает?

Бухарин обернулся:

– Подслушивать нехорошо, тебя не учили, Крот?

Кротов был младшим следователем и работал в паре с Бухариным. Он всеми силами хотел походить на своего напарника, обожал его и всячески прикрывал.

– Предстоит тяжелый вечер?

Бухарин криво улыбнулся.

– Слушай, Дэн, зачем ты женился на Вике? – внезапно спросил Кротов.

– Чего?

– Ну правда.

Порыв ветра сорвал простыню с трупа, когда его пронесли мимо следователей.

– Потому что это логическое завершение отношений двух любящих людей.

– Завершение? Или продолжение?

– Пошел ты... Чего к словам придираешься? Вали в участок бумажки заполнять. Психолог чертов.

Бухарин увидел, как Камаева, не оборачиваясь, перешагивала со своей собачкой рельсы, удаляясь прочь от места трагедии, которая могла оказаться несчастным случаем, самоубийством или даже убийством.

II

Санкт-Петербург

Ася стояла у порога их квартиры с Олегом. Уютная однушка на «Беговой», которая ей очень нравилась. Из окна весенней голубизной подмигивал залив, и было приятно пить утренний кофе, глядя на бесконечно красивый и никогда не надоедающий пейзаж. Море всегда было частью ее жизни, с самого детства. Хотелось бы, чтобы и конец также был связан с ним. Ася тряхнула головой, отгоняя мысли.

Перед ней лежал рюкзак, в который она собрала все свои пожитки за почти десять лет в Питере. Судя по размеру рюкзака, немного она нажила за последние годы. Да и квартира была вовсе не их общая, а Олега. Точнее, его родителей – продвинутого психотерапевта и не менее продвинутой завкафедрой психологии местного университета. Олег в предков не пошел, окончил юрфак и переключившись на бумажки в какой-то нотариальной конторе. Ася так и не поняла, нравится ему или нет каждое утро вставать в семь утра и к восьми тащиться в то же самое место переключившись на те же самые бумаги, только с новыми именами. Когда она задавала ему этот вопрос, Олег сразу же задавал ей свой:

– А тебе нравится стряхивать пыль с костей мамонтов за сто рублей в своем университете?

– Я уволилась, – недавно ответила ему она.

Олег с удивлением посмотрел на Асю, она же просто вытащила сигарету из пачки и пошла на балкон. Ася пристрастилась к курению, чем еще больше раздражала Олега, завсегдатая фитнес-клубов и домашних матчей «Зенита». Что их держало вместе, она не понимала. Все считали, что для нее, девочки из Выборга, городка в 75 тысяч не особо удачливых (по мнению Олега) жителей, он, Олег, – очень удачный вариант. А вот для него она, Ася, – наоборот. Человек без цели, но с долей нездорового фанатизма.

Закончилось все почти внезапно.

– Ася. Я тут с папой говорил...

Олег откашлялся.

Эти слова, ничего хорошего не предвещавшие, застали Асю в момент, когда она, возвращаясь вечером домой с очередного собеседования, вошла в комнату. Когда Олег кашлял, Ася напрягалась. Это означало, что сейчас будет сказано что-то, что понизит ее пуще прежнего по шкале перспективных невест (людей).

– Ты не хочешь сходить на прием? Ну, не к папе, а к его знакомому? Неплохой спец, не такой, как папа, но тоже крутой.

– Какой прием?

Ася развернулась в кресле к Олегу. Последнее время она не любила разворачиваться к нему лицом.

– Терапевтический. Поболтаете, то-се...

– Зачем?

Олег опять кашлянул, и Асин страх сменился раздражением.

– Ты считаешь, что я псих?

Олег присел на край кровати.

– Ась, швырнуть в потенциального начальника папкой... Ну, куда ни шло. Но попасть ему целенаправленно в лицо...

Когда нужно было, Олег становился очень корректным. Это был его несомненный плюс. Но Асю почему-то эта корректность раздражала больше всего. Все положительные черты Олега для нее стали отрицательными. Может, она на самом деле псих?

– Я где-то слышала, что психотерапевты не отличаются от своих пациентов. Ну, скажем так, они являются их отражением. Понимаешь, о чем я?

– Ты хочешь сказать, что мой отец – псих? Заслуженный врач России?

– А что, заслуженные врачи России не могут быть психами?

Олег стиснул зубы, пытаясь не сорваться.

– Конвергенция. Разные типы животных становятся похожими, потому что живут в похожих условиях и ведут похожий образ жизни. Птицы и летучие мыши. Змеи и черви.

Олег помотал головой, выдавив из себя ухмылочку. Ася демонстративно не обращала внимания на реакцию своего бойфренда. Она села на стол и стала болтать ногами.

– Помнишь, мы смотрели фильм «Психоаналитик» с Кевином Спейси?

– С пидором тем? Которого еще из Голливуда поперли?

– С хорошим актером Кевином Спейси. И не было доказано, что он приставал к тому массажисту.

– Ты хочешь сказать, что мой отец – такой же нарик, как тот психолог? Это хочешь сказать? Пошла отсюда...!

Ася помедлила, затем медленно съехала со стола. Выходя из комнаты, она подумала, что Олег никогда не крыл матом. А сегодня ей понравилось, что он выругался. Она все-таки псих.

III

Денис подъезжал к башне «Федерация», когда его отвлек звонок начальника, Леонида Игнатъича Шмелева. Удивительно, как настолько принципиальный мужик задержался на таком месте, но факт оставался фактом. Денис любил Игнатъича больше собственного отца именно за принципиальность, которой не хватало ему, Денису Бухарину. Денис включил громкую связь.

– Игнатъич, здравия желаю. Ты по поводу жмурика сегодняшнего с Сортировочной? Есть любопытные мыслишки.

– Я не за этим. Тут твой тесть... кхе-кхе... Звонил.

Денис стиснул руль и почувствовал, что готов вырвать его из нутра автомобиля к чертовой матери.

– Денис, ты тут?

– Тут.

– Просил, чтобы мы тебя сегодня не задерживали шибко. Там у вас ужин какой-то.

– Я приеду в участок.

– Денис, я тебя понимаю. Но в некоторых случаях лучше не биться головой о стену, если вошел не в ту комнату. Проще выйти.

Бухарин улыбнулся и почувствовал, что понял намек мудрого человека. Отключив звонок, Бухарин припарковался и откинулся на кресле. Через два часа нужно быть у тестя, предварительно потренировавшись напяливать лживую улыбочку на физиономию. Два года назад Бухарин вошел не в ту комнату. Хорошо выразился Игнатъич. Вошел и вместо того, чтобы выйти, просто бьется башкой о стену, как рыба об лед. Но у рыбы нет шансов, она слишком тупа, чтобы допрыгать до проруби. Но он-то, Бухарин, не так глуп. Или все-таки?..

На улице по-прежнему дико дуло, и Денис, закутавшись в плащ, побрел в свое логово, которое располагалась в башне на самом верхнем этаже. Здесь он отсыпался от бесконечных дежурств вместо того, чтобы ехать домой к жене, и сутками мог смотреть сериалы и читать книги. Или беспробудно пить все подряд: виски, джин, текилу, а потом еще несколько суток валяться на полу в туалете, в периоды сознания отсылая Вике СМС с текстом «Милая, я в Саратове. Мы работаем под прикрытием. Люблю» или «Лапочка, сегодня с Кротом на неделю отправили в дурку, дежури́м около палаты министра, приказ сверху».

Самое страшное, что Вика верила во всю эту чушь собачью. Не верил только тесть, который отлично понимал разницу между оперативником и следователем и знал, что второй точно не выполняет подобные полевые задания. Тесть терпел Бухарина лишь из любви к дочке. Во всей этой истории главным была любовь. Любовь из сострадания, жалости и безысходности. У каждого своя.

– Когда твой папаша перестанет лезть в мою работу? – прокричал он в трубку.

Денис швырнул плащ на кровать и зашел в ванную. Закатав рукава рубашки, нервно стал мыть руки и лицо.

– Деня, не злись. Ну так было всегда. Я ему говорила, что ты будешь. Он решил удостовериться.

Денис сунул голову под кран. Вода залила рубашку.

– Удостоверился?! Мой начальник не крыса канцелярская какая-то, чтобы выполнять дебилские приказы твоего папаша чертова! Имейте уважение к нормальным людям!

– Милый, ну прости. Я поговорю с ним. Приезжай пораньше, а? Я тебя успокою.

Денис отключил телефон и посмотрел на себя в зеркало. Трехдневная щетина, запавшие глаза и полное отсутствие понимания, зачем ему все это нужно. И главное – что дальше?

За окном хлестал не по-весеннему холодный дождь, огромное окно от пола до потолка было замызгано каплями, перепачканными московской копотью и пылью. Денис прислонился

лбом к прохладному стеклу и закрыл глаза. Вспомнил испытующий взгляд криминалиста Алисы Камаевой. Денис набрал ее номер и сразу же был оглушен диким воплем младенца.

- Денис, он тут весь в дерьме, и я тоже. Так что давай по-быстрому.
- Странно. Обычно мамашки говорят что-то типа «мы тут покакали».
- Я тебя умоляю!
- Ладно, ладно.

Алиса кому-то шепнула пару слов на татарском, и Денис снова удивился. Видимо, к Алисе приехала родня.

- Слушай, не хочу отвлекать, просто хотел сказать, что тебя жутко не хватает.
- Я могу выгуливать собаку на каждом новом месте преступления.

Денис улыбнулся в ответ.

Кто-то позвал Камаеву на татарском.

- День, давай потом. По «сортировочному» что-нибудь известно уже?

Денис вздохнул.

- Ты же знаешь, новенький – реальная черепашка.
- Поняла. Научится.

Алиса отключила телефон, не попрощавшись. Хорошо, что к ней приехал кто-то из родных. Мать и отец Алисы не приняли ее сына и их внука, потому что он был рожден вне брака. А Камаева почему-то упорно не хотела строить отношения с отцом своего киндера, тоже криминалистом. Хотя связь с ним не прерывала и очень любила обсуждать работу, считая его отличным специалистом. Но не отцом.

IV

В маршрутке, которая отъезжала от метро «Парнас», было пусто. Все прилежно отработывали свои рабочие часы: кто в офисе, кто за рулем таких же маршруток, как эта. Олег тоже сейчас перебирает свои бумаги, а через 15 минут пойдет на обед за шавермой. Конечно же, с фалафелем. Вдруг шаверма с мясом вовсе не с мясом? Ася улыбнулась, и впервые за сутки ей стало грустно. Она возвращалась домой в провинциальный городок, откуда все ее ровесники давно убежали. Кроме Катьки Еремовой, она вроде бы где-то в придорожном кафе на Ленинградском шоссе работает. Днем. А ночью... Ася тряхнула головой и с ужасом представила, что будет дома, когда она заявится со своим рюкзаком, в котором один свитер, джинсы, нижнее белье и пара маек. Остальное – книги по палеонтологии, ноутбук, фотоаппарат и коробка с окаменелостями из экспедиций. С таким приданным ей не светит даже замужество с соседом Толиком Бакиным, сыном уборщицы местного ЖЭКа тети Веры. Ася влила в себя остатки кофе из пластикового стаканчика.

– Даже Толька себе нашел невесту! А ты? Даже Толька машину купил! А ты? Даже Толька ипотеку берет! А ты?

Мать Аси «дажетолькает» регулярно, когда дочка приезжает в гости. Но сейчас все гораздо хуже. Ася потеряла жениха, Ася возвращается в Выборг в свою комнату, которую мама уже давно арендовала под склад для закаток, Ася теперь нигде не работает, и Асю нужно кормить. Но никто не спросил Асю, нужно ли ее вообще кормить? И кто сказал, что она возвращается навсегда? Почему она привыкла к тому, что все ее действия будут восприняты негативно, даже если она еще ничего плохого не совершила?

Дождей не было несколько дней, и пыль набрасывалась на маршрутку каждый раз, когда мимо проносился грузовик или легковушка. Мелкие крупинки грязи, песка оседали на не мытое годами стекло. Ася стала всматриваться в эти крупинки. Земля образовалась около четырех миллиардов лет назад. А первые микроскопические бактерии появились через несколько сотен миллионов лет. Примерно два миллиарда лет назад наш мир принадлежал бактериям. Не было ни зверей, ни птиц, ни рыб, ни растений. Затем простые клетки научились объединяться в более крупные и более сложные организмы. Процесс запущен. Но кем? И главное – зачем? Чтобы отвлечься от бессмысленных философских мыслей, Ася включила на смартфоне сериал.

Еще в детстве она очень любила X-Files и собиралась замуж за Фокса Малдера, считая его идеалом не просто мужчины, а человека. Потом любовь к агенту ФБР сменилась увлечением новыми героями, которых регулярно поставляли американские и британские каналы, а нынче стриминги. Иногда Ася думала, что их отношения с Олегом строились исключительно на любви к многочасовым детективам. Каждый возвращался с работы, и, заказав пиццу или суши, они погружались на остаток дня в увлекательный мир убийц, маньяков и их преследователей. Сначала все было замечательно. Ася думала, что нашла родственную душу (выражение «вторая половинка» вызывало у нее ассоциации с работой патологоанатома в морге). Но со временем она поняла, что их отношения с Олегом – это всего лишь совместные просмотры сериалов и поедание фастфуда (для Олега – «полезной» его версии). Она не хотела ему готовить, он не настаивал. Она работала на кафедре палеонтологии в университете, он не скрывал своего пренебрежения к ее занятию. Ася же ненавидела профессии, связанные с бесполезным переключиванием бумажек, а Олега считала неудачником. Ведь в сериалах герои, окончившие какой-то юридический вуз, спасают мир. Все кончилось, как и должно было случиться.

Ася не заметила, как маршрутка въехала в Выборг. Домой она решила пройти пешком, вдыхая воздух старинного городка, который все считали самым нерусским городом в России. Туристов еще не так много, исключая финнов, которые приезжают привести в порядок

могилки родственников. Но на глаза пока не попадаются жующие местные кренделя люди с поясными сумками и фотоаппаратами, спрашивающие, как попасть в Монрепо или башню Олафа. Большинство тех, кто родился в провинциальных городках, не любят их, стараются побыстрее покинуть свои гнезда и махнуть в сторону манящих удачей и яркой жизнью мегаполисов. Ася была не из таких. Она бы с удовольствием жила в глуши в домике с видом на море и ловила рыбу каждый день, фотографируя в перерывах рассветы и закаты. И в этих мечтах не было места ни Олегу, ни кому-то другому.

...Дома никого не оказалось. Рабочий день в Выборге был в самом разгаре, на плите стояла кастрюля со щами. Мама их обожала, папа был равнодушен, а Ася терпеть не могла. Кот со странной кличкой Фургон даже не смотрел в сторону Аси, вальяжно развалившись на подоконнике. Его громко унижали синицы по ту сторону окна, но ему было абсолютно все равно. Папа нашел котенка под фургоном, который стоял около судостроительного завода, где он работал механиком, и, недолго думая, назвал Фургоном. В холодильнике для Фургона было почти все, для людей – почти ничего. Как обычно. Ася отрезала горбушку, намазала ее маслом и посыпала солью. Фургон приоткрыл один глаз и внимательно следил, чтобы его пакетик с «Вискасом» не был использован для приготовления человеческой еды. Ася спрятала хлеб и масло и уселась за стол, включив маленький черно-белый телевизор. Аналоговое телевидение отключили, но папа – мастер на все руки – что-то прикрутил, открутил – и доисторический телик времен юрского периода работал как часы. Ася не продержалась и минуты. Малаховщина гудела на каждом канале, которые, была б воля Аси, она просто закрыла и тем самым спасла бы миллионы мозгов от деградации. Мама, будучи вовсе не глупой женщиной, какой-то неведомой силой притягивалась к голубому экрану в моменты, когда там обсуждали чью-то ДНК и очередной фингал под глазом. Асе все это не нравилось. Ей вообще не нравилось все, что происходит вокруг. Но, возможно, и в бессмыслице окружающего мира есть какой-то смысл? Ася знала: после вулканических извержений триасового периода почти все виды животных вымерли. Но не динозавры. Их количество стало, наоборот, резко расти. Они использовали хаос реальности себе на пользу.

Ася снова занервничала. А вдруг окружающие все же правы? Вдруг она и правда нездорова? Психом ее называли практически всегда. В детском садике, потому что она размазала дурно пахнущее пюре по лицу Васи Семечкина, который сунул ей кусок котлеты в косичку. В школе, потому что она, как Брюс Ли, вмазала ногой в голову Мити Рогова за то, что он на ее тетрадке по математике написал матерное слово. В универе за то, что она высказала проректору, что они отсылают студентов на практику в лагеря, где детей не оздоравливают, а награждают новыми болячками.

Асе предстоял трудный вечер. Не обидеть маму, съесть щи и выслушать речь папы о том, что в ее возрасте он уже воспитывал ее, Асю, имел постоянную работу на судостроительном заводе, и главное – вполне конкретную профессию, а не ту, на которую Ася проучилась пять лет и теперь удивляется, что во всей стране с ее дипломом берут только в одно место. Ася уволилась первый раз в жизни, и у нее было ощущение, что она совершила преступление. Стабильность во всем – это единственное сокровище приличных людей, живущих в провинции. Это икона, на которую нужно молиться, пусть даже она прогнила и на ней больше не видно изображения Христа.

V

Молодой криминалист Матвей Егоркин говорил слегка дрожащим голосом. Или Денису показалось. Или он хотел, чтобы молодняк его боялся, и поэтому решил, что голос Егоркина все-таки дрожит.

– Есть новости из морга. Первичный осмотр не показал ничего особенно интересного. Но в крови прилично алкоголя. Не меньше бутылки вина в одно рьло.

– А волдыри на пальцах?

– Похоже на ожог...

– Точнее.

– Жду результаты токсикологической экспертизы.

– Ладно, бывай. У меня вторая линия.

На экране высветился еще один звонок, пропущенный от абонента, записанного как «Наркоотдел Люберцы». На самом деле это была девица, с которой он познакомился в клубе месяц назад, когда они с Кротом праздновали раскрытие одного старого «глухаря», причем настолько внезапное раскрытие, что Бухарину оставалось лишь радоваться такой удаче. Хотя с похмелья его уже одолевали мысли о том, что везет дуракам, а хороший сыщик должен полагаться не на удачу, а на мозги и чуйку. А потом к самобичеванию добавились муки совести: ночь-то с девицей из клуба Бухарин все-таки провел. Но она и впрямь показалась ему весьма занятой: во время танца цитировала Камю и говорила, что в его смерти виновны Хрущев и КГБ, которые организовали аварию великому писателю и философу.

...Его тесть Григорий Александрович Тимохин – отставной генерал-майор ФСБ. Отставных генералов ФСБ не бывает, и это Денис понял уже давно. Григорий Александрович разводил бурную деятельность везде: дома, на каких-то встречах с какими-то людьми, хотя никто не знал, какие дела он ведет, уже не занимая важных постов, как раньше. Но, видимо, он сохранил за собой все прежние лазейки, ведущие наверх, в «большую», как он сам выражался, жизнь. При нем всегда было двое верных псов – то ли охранники, то ли исполнители воли или прихоти своего престарелого босса-чекиста. Звали их Лева и Сева, и были они метра два с половиной каждый и не менее 100 кг стальной мышечной массы. При этом в каждой черепной коробке у них имелись весьма недурные для такой увесистой упаковки мозги. Киборги-убийцы со встроенным интеллектом, как про себя их звал Бухарин.

Григорий Александрович терпеть не мог Дениса, но был очень мягок с ним в общении, как настоящий извращенец-убийца. Чем нежнее он разрезает свою жертву, тем большее удовольствие испытывает. Бухарин ненавидел тестя, каждое свидание с его персоной давалось ему большим трудом.

И сейчас, паркуясь около особняка Григория Александровича, Денис долго не мог выйти из машины. По стеклу барабанил дождь, разнося следы капель по лобовому стеклу. Родственников не выбирают. Но жен ведь мы выбираем по своей воле. Что не так было у Дениса с Викой? Ведь женился он по любви. Он это точно знает. Или он все-таки умудрился перепутать любовь с чем-то другим?

На экране мобильного беззвучно мигало: «Вика». Несколько дней назад имя абонента выглядело по-другому: «Любимая». Пора променять уютную кабину спортивного кара на отвратительную атмосферу шикарного особняка тестя в викторианском стиле. Вика прекратила звонить, и Денис быстро набрал номер Камаевой.

– Что-то новенькое? – спросила она, не поздоровавшись.

– Нет. Точнее, так, по мелочи. Он был бухой.

– Что-нибудь еще нашли?

– Ждем.

- А волдыри?
- Егоркин погуглит.
- Боже.
- А я тебе о чем.
- Держи в курсе.
- Лады.

Денис отключился и посмотрел на окна, в которых мелькали тени готовящихся к званому ужину демонов-комитетчиков.

VI

Замок в двери, как обычно, не то хрустнул, не то щелкнул. Ася вскочила с дивана и протерла глаза. Часы показывали 18:30. Спокойный голос папы перебивался резкими мамиными замечаниями, которые были частью их быта. Ася дома. Все как обычно.

– Это чьи? – Мама явно наткнулась на Асины кеды.

– Аська, что ли? – Папина монотонность подкрасилась заинтересованностью и даже радостью.

Дверь в Асину комнату распахнулась, и на пороге появились две фигуры: одна – поменьше и потоньше, вторая – потолще и повыше.

– Привет. – Ася помахала рукой и попыталась улыбнуться.

– Асенька! – Мама бросилась к Асе. – Что случилось?

Папа включил свет, стало видно, что Фургон тоже стоял и смотрел на всю эту вакханалию.

– Чтоб приехать домой, не нужно ж, наверное, чтобы что-то случилось.

– И то правда, – поддержал папа и почесал усы большим пальцем левой руки.

Мама же подозрительно смотрела дочери прямо в глаза, словно сканируя ее мысли. Ася тяжело вздохнула. Нужно было прервать это сканирование и неприятную тишину, которая изредка прерывалась бурчанием в набитом желудке Фургона.

– Я ушла от Олега. Он меня выгнал.

– В смысле ушла? Как выгнал? – закудаhtала мама, точно курица.

Папа молча слушал.

– Сказал, что его отец отправляет меня на обследование. Для психов.

Мама словно окаменела. Папа злобно фыркнул. Фургон чихнул и облизался.

– С какого перепугу тебе надо на обследование?

Ася встала и подошла к окну. Во дворе играла детвора, не подозревающая, что их ждет во взрослой запутанной жизни.

– Я уволилась с кафедры, чтобы найти более оплачиваемую работу. Ходила на кучу собеседований.

Понятно, что куча – это громко сказано.

– Не везде нужны специалисты по костям птеродактиля?

Ася бросила зловещий взгляд на отца, и тот, хмыкнув, замолчал.

– И? – Мама была напряжена, но держалась.

– В одном месте надо было выполнить тестовое, снять несколько ракурсов какой-то там арматуры для буклетов.

– Ты сняла? – спросила мама нетерпеливо.

– Да. Но ему не понравилось. Он сказал, что я фотоаппарат держать не умею.

Отец засмеялся.

– Пусть глянет на стену в твоей комнате. Там вместо обоев грамоты с конкурсов.

– Как видишь, им нужны не обои, а арматура, – ответила мама, как отрезала. – Ну так а при чем тут психушка-то? Почему отец Олега решил, что ты...

– Через несколько дней я шла по Невскому и увидела билборд. Там была моя фотка с куском арматуры.

– То есть тебя взяли?

– Очевидно, что нет, женушка. Она перед нами стоит вся серая и нервная, – прокомментировал папа.

– Так что случилось?

– Я приехала в тот офис и спросила, какого черта моя фотка висит на билборде в центре города, а я не получила за нее ни копейки. Он сказал, что это не моя фотка, что там ее тыщу-пятсот раз кадрировали, обрабатывали и убирали косяки. Да и договора нет. И вообще, ты кто?

– Россия-матушка, – грустно прошептал себе под нос отец.

– Так а психушка-то при чем тут? – Мама испытующе смотрела на Асю.

– Я швырнула ему в лицо папку.

Мама сглотнула и встала.

– Папку? Зачем?

– Сорвалась.

– И это тебя оправдывает? Может, отец Олега прав?

– Ну тише, Зоя...

Папа попытался дотронуться до мамы, мама прошла мимо, едва не наступив на Фургона. Папа подмигнул Асе и вышел за женой.

– Если вас это успокоит, то в папке были мои фотографии. Он их не выкинул, – тихо проговорила Ася, зная, что это уже никого не волнует.

Сидеть в квартире не было смысла. Мама надуется, как воздушный шар, будет молчать, и ее молчание убивает так же медленно, но основательно, как айсберг убивал «Титаник». Ася прошла мимо кухни, где папа что-то бубнил маме, разогревающей свои любимые щи. Надев кеды, она исчезла за дверь.

VII

В столовой было человек шесть. Бывшие сослуживцы тестя, один – из аппарата президента. Тот самый, ради кого все это и организовывалось. Вся эта тусовка своих с одним лишним звеном – Бухариным. Денис лениво жевал бутерброд с фуа-гра и смотрел на залитые сильным дождем стекла. Вика постоянно пялилась на Дениса, пытаясь положить ладонь на его руку, но Денис отдергивал ее. Тесть все это видел своими лисьими глазенками и каждый раз, когда Денис отвергал нежности его дочери, до побеления костяшек сжимал столовые приборы.

– Так что вы говорите, Петр Ильич? Американцы сами попались на своей сланцевой нефти? Думали обыграть русских, а тут на тебе – выкуси?

– А саудиты каковы? Болваны. Это вам не Советский Союз, не Брежнев, царство ему небесное.

– Да, как раньше не будет. Мы уже не те!

Бухарина тошнило от подобных разговоров, но нужно было держаться. Он прекрасно понимал, что если тесть захочет испортить ему жизнь, он это сделает. И начнет с карьеры в уголовном розыске. самого главного, что было у Дениса после Вики. Или все-таки *самого* главного?

А сколько он вообще выдержит весь этот бред? Эти ужины, завтраки, обеды? И все ради того, чтобы не вылететь из отдела? Но ведь он сам всего добился! Никто ему не помогал!

– Милый?

Денис вздрогнул.

– Что?

– Пойдем поговорим? Я соскучилась.

Денис едва кивнул, но тут же поймал одну интересную деталь в своем поведении. Он бросил взгляд на тестя, как бы пытаясь получить его одобрение. Одобрение выйти из столовой и пообщаться с собственной женой.

Григорий Александрович словно понял все и едва заметно кивнул в ответ. У Дениса внутри все похолодело и одновременно вскипело. Адреналин забился в висках, как пойманный в капкан зверь.

– Идем, – тихо сказал Денис и взял за руку Вику.

Они вышли в коридор. Бухарин едва не сбил с ног официанта, который нес на подносе дымящуюся утку.

– О-о-о-о! Григорий Александрович! Неужто ваш трофей?

В столовой улюлюкали и охали. Денису даже показалось, что были аплодисменты. Он шел по коридору, за ним семенила Вика.

– Денис...

Бухарин вдруг резко остановился, повернулся к жене и пару секунд как будто всматривался в ее лицо. Затем неожиданно для Вики схватил ее и стал целовать. Где-то в конце коридора замаячил официант, блеснув надраенным подносом.

– Денис! Подожди!

Но Дениса было не остановить. Он стал раздевать Вику прямо в коридоре.

– Стой! – Вика отпрянула и стала неловко оборачиваться. – Хватит!

Денис тяжело дышал. Пот градом катился со лба, а внутри все дрожало и сжималось в жгучий комок где-то в области солнечного сплетения. Денис узнал это состояние и с ужасом посмотрел на Вику.

– Идем в спальню.

Денис быстро закивал в знак согласия, но вдруг остановился как вкопанный. В конце коридора шел человек, встреча с которым в один момент могла загнать Бухарина в жуткую

депрессию. И она произошла. В доме тестя появился Юрий Дронов. Он медленно шел по коридору, засунув одну руку в карман изысканных брюк. Голова его была опущена, и казалось, что этот человек передвигается с огромной горой на сутулом теле. Которое еще год назад было похоже на останкинскую телебашню, уверенно смотрящую вверх.

Дронов остановился в нескольких метрах от Дениса и Вики. С пару секунд он молча смотрел на следователя и затем, откашлявшись, произнес одну лишь фразу:

– Тяжелый день.

Больше Дронов не сказал ни слова и зашел в столовую с уже совершенно другим лицом. Как будто автоматически сменил одну маску на другую. Он был весел, бодр и снова тянулся вверх, как телебашня.

– Григорий Александрович! Мое почтение!

Дронов протянул руку тестю Бухарина и нервно потряс ее. Григорий Александрович вытащил свою ладонь из настоящей лапы, прекратив наконец это слишком активное приветствие. После этого он бросил на Дениса и Вику тот самый холодный взгляд, который пугал всех, кто был в окружении этого человека.

– Вернитесь за стол.

Он сказал это тихо, однако складывалось ощущение, что огромная глыба рухнула вниз, придавив собой все, что было рядом. Денис пытался успокоить учащенное дыхание, но получалось плохо. Вика взяла его за мокрую ладонь и, как ребенка, повела в столовую.

Все принялись приветствовать Дронова, который натянул на лицо еле заметную улыбку и занял специально приготовленный для него стул подле Григория Александровича. Денис и Вика сели на свои места, стараясь не привлекать внимание любопытных гостей Григория Александровича.

– Ну что, Юрик, порадуй старика. Что нынче происходит в твоей жизни? – спросил хозяин, аккуратно разрезая кусочек сочного мяса.

Бухарин почувствовал тошноту и головокружение. Слова тестя выглядели мерзкой и циничной затравкой для последующего бессмысленного разговора. Такой, впрочем, велся здесь испокон веков.

– Партию свою хочу организовать, – спокойно ответил Дронов, расстилая на коленках белоснежную салфетку.

В столовой воцарилась тишина. Гости умолкли, как по отмашке. Григорий Александрович медленно дожевывал свой кусок дичи и смотрел в одну точку где-то впереди. Казалось, его зрочки нашли мишень и сейчас засветятся красным лазером.

– Зачем? – спокойно и тихо спросил он, проглотив мясо.

– Чтобы изменить жизнь к лучшему.

– Это правильно. Это хорошо.

Дронов закивал и продолжал как ни в чем не бывало есть. Гости молча переглянулись.

– Нет, я понимаю. Я не собираюсь ни с кем бороться, что-то разрушать. Я собираюсь *строить. Созидать.*

– Название придумал? – спросил тесть Бухарина, наливая себе водки.

– Угу. «Шаг вперед».

Григорий Александрович выпил залпом водку, взял кусочек хлеба и по-крестьянски занюхал. Бухарина перекосило от этого жеста лицемерия.

– Ты же сказал, что не будешь бороться и ломать. Назовись «Созиданием». Не противоречь себе на начальном этапе.

Дронов посмотрел наверх. На идеально белом потолке сидела жирная муха и чесала себе крылья. Как ни бели потолок, а дерьмо найдет путь попасть наверх. Дронов улыбнулся этой мысли и кивнул.

– Точно. Созидание.

Гости вернулись к своим тарелкам, Григорий Александрович довольно улыбнулся, а Вика уложила на коленки айфон и стала общаться с подружкой в «Телеграме».

– Ты был отличным спортсменом, Юрик. Весь советский биатлон держался на тебе. Потом ты стал отличным бизнесменом. В девяностые сумел выжить, не открыв ответный огонь. У тебя есть шанс стать отличным политиком.

Бухарин понимал, что еще слово – и его рвотные массы загадят весь стол. Он встал и направился к выходу. Вика проводила мужа усталым взглядом, который быстро перевела на отца.

...На улице лил холодный весенний дождь. Денис открыл машину, сел за руль и с диким визгом шин сорвался с места. За ним медленно поплыл джип, в котором виднелись квадратные головы Левы и Севы.

Григорий Александрович стоял около окна в столовой, где гости с жадностью поедали подстреленную им с утра утку, и провожал взглядом удаляющиеся по аллее автомобили. Дронов усыплял присутствующих рассказами о том, как с помощью созидания можно изменить мир к лучшему.

VIII

К подъезду подкатил грязно-белый УАЗ. На боку красовалась надпись «Меня не возьмет никакая зараза, я русский мужик, я водитель УАЗа». Асе показалось, что надпись пульсирует от разрыва колонок, из которых диким голосом рычал Тилль Линдемманн. Ася затушила окурки о подошву, выбросила в мусорку. Старушки на лавке зашептались. Они по опыту знали, что Зойкина непутевая Аська (непутевая – потому что курит, курят ведь только непутевые) сейчас зацепится языком с водителем. Конечно, дело было не в водителе УАЗа, а в Асе. К первому они уже давно привыкли. А вот появление Зойкиной дочки в Выборге – это благодатная почва для рождения разнообразных сплетен.

– Ох и жара ж. Дышать нечем! – жаловалась одна бабка другой.

– И не говори! А всё эти машины! Задохнемся! Газу-то сколько уже на планете! Глобальное потепление!

Ася не смогла сдержаться:

– Ваше это типа глобальное потепление – это всё уже было. В триасовом периоде на каждый миллион молекул воздуха приходилось две с половиной тысячи молекул углекислого газа. В шесть с лишним раз больше, чем сегодня.

Бабушки переглянулись настороженными взглядами. Одна из них кивнула другой, мол, ну что сделаешь, Зойкина непутевая психопаточка.

Ася улыбнулась снисходительно и собралась обойти УАЗик, но тут ее оглушил голос Толика. Того самого, на которого надо равняться.

– Аська!

– Привет, Толян.

– Че такая кислая? Мама отправила, как в детстве, за кефиром? Да, мы тут доставками не пользуемся. Забываем багажник на неделю на рынке! Ну, чё-как?

Ася пожалала плечами. Толик присвистнул.

– Чё случилось-то? Слушай, давай по пивасу? У меня желтый полосатик в бардачке. Ща возьму.

– А невеста?

– Чё невеста? Она на УЗИ поехала. Там с плодом какие-то непонятки.

– С ребенком, что ли?

– Ну типа. Плод еще!

Толик заржал, Ася перекосилась. Она хотела обойти Толика, но он аккуратно перегородил ей дорогу.

– Ася, я так понял, что ты сюда надолго?

– Откуда?

– Так мамка твоя звонила моей. Говорит, может, в ЖЭКе есть место какое для тебя. Только там даже уборщиц уже не берут, забито все.

Ася прикинула, сколько времени она надевала кеды, плюс посещение уборной, плюс спуск по лестнице с третьего этажа. Плюс курение. И за это время мама уже обзвонила пол-Выборга.

– Ну так вот. А у меня есть для тебя работенка.

– Ну погнались клевать твоего полосатика.

С Толиком Ася училась в школе – с 1-го по 11-й класс. Они сидели за одной партой, их часто принимали за брата и сестру, хотя соседи по лестничной клетке иногда таковыми и становятся в маленьких городках. Вместе осваивали геометрию, вместе делали одинаковые ошибки в диктантах (Толик, конечно же, списывал у Аси). Он брал ее во все свои пацанские компашки, они играли в Рембо и Терминатора, в десять лет даже угнали «Запорожец» пья-

ного отца Толика. Ася не отставала от своих ровесников мужского пола, а в некоторых вещах даже преуспевала. Девчачья смекалка и сообразительность вперемешку с хитростью дали ей статус мелкой с мозгами. Так называли ее старшие ребята, в группировках которых Ася чувствовала себя вполне комфортно. В младших классах Ася общалась исключительно с мальчиками, девочек в упор не замечая. Иногда она меняла свои наклейки из жвачек на те, что были у других девочек, но дальше общение не продвигалось. Все изменилось в старших классах, когда приходилось вливаться в какие-то компании, и, как оказалось, многие девочки хотели заполучить эту странную Асю. К тому времени она уже успела выделиться: однажды дома у одного из мальчишек они опробовали машинку для стрижки и, естественно, на самой смелой из всех – Асе. Когда мама увидела результат, крики стояли на все Балтийское море. Единственный плюс в этом увидела бабушка Аси. Она сказала, что теперь можно сэкономить на шампуне. С тех пор Ася и полюбила короткие стрижки, хотя самостоятельно принять решение в выборе прически ей удалось только в 18 лет, когда она удрала от родителей в Питер.

Там она первым делом заселилась в общагу и побежала в парикмахерскую, где оставила копну волос и приобрела короткий ежик, кончик которого был выкрашен в фиолетовый. Ася очень любила родителей, они любили ее, но жить по своим правилам она любила больше всего на свете.

IX

Шестнадцатое апреля. Сегодня был день рождения Ритки Дроновой. Его погибшей напарницы. Денис это помнил, хотя всеми силами старался забыть. Возможно, очередной приступ был связан именно с этим. Появление отца Ритки Юрия Дронова стало триггером, который вернул Бухарина в прежнее скотское состояние. Машина плавно катилась по трассе, Денис постепенно успокаивался.

Свой очередной день рождения Ритка провела на работе. Как и предыдущие. С Денисом они пахали, не жалея себя, но это было в кайф. Однако полгода назад они попали в засаду. Подобные истории со следователями практически никогда не случаются, ведь их не зря называют канцелярскими крысами. И тем не менее в тот день произошел тот редкий случай, один на миллион. Бухарин и Ритка приехали к подозреваемому домой, хотя и этого они могли не делать. Но... Что сделано, то сделано. Вспышка – и мгновенная отключка. Потом приехали серьезные молчаливые ребята из ФСБ, затащили его в какую-то машину и увезли. Очнулся он на больничной койке с провалами в памяти. Вот только главного Денис не забыл: его любимая напарница погибла.

Сейчас нужно было навестить Олю – Риткину сводную сестру. Это был его долг. А потом – нажраться до блевоты в башне, и дальше будь что будет. Он знал историю двух сестер, которая поразила его до глубины души. Оказалось, что Дронов был еще тот кобель во времена, когда его спортивная карьера уже катилась к чертям и он решил заняться бизнесом. В лютые 90-е это был путь практически каждого уважающего себя и не очень мужика. Большая часть сходилась с дистанции, но не Дронов. Он начинал с палатки, торгующей экипировкой для охотников, а в итоге дорос до владельца крупной торговой сети. Все российские олигархи начинали с палаток, почти все идут в политику, чтобы потом установить там свою очередную палатку. В итоге в выигрыше те, кто остановился на одной палатке. Но Дронов хотел этот мир изменить и пойти против течения с мутной водой.

Денис припарковался около пятиэтажки на улице Шверника. Тихий милый уголок сумасшедшей Москвы.

Прямо около подъезда он вдруг встал как вкопанный, покрутил в руках бутылку вина, купленную в «Рио», и вернулся в машину. Там же вынул мобильник из кармана и нашел номер телефона Оли.

– Привет. Не вовремя?

В ответ была тишина и приглушенный звук то ли телевизора, то ли фильма на ноутбуке.

– Привет, Денис.

– Погода – мерзость.

Оля не ответила, однако по характерному щелчку он понял, что девушка поставила чайник.

Сестра его погибшей напарницы жила одна, но Денис знал про нее довольно много. Хотя Олю нельзя было назвать общительной и открытой. Она была полной противоположностью своей сестры. Та была сорвиголова, и казалось, что она может вполне обойтись без сна и отдыха. Неизменный кофе в термосе, молочный шоколад и сменное белье на случай, если не удастся попасть домой.

– Мне кажется, что я уже не помню, что такое спокойно спать и не чувствовать эти проклятые накатывания вот тут. – Денис стукнул себя в солнечное сплетение. Удар получился неслабым, и он закашлял. – В груди, короче.

– Это пройдет, если ты будешь ходить к специалисту и пить таблетки.

– Таблы помогут?

– Таблы, как ты говоришь, помогут. Но, во-первых, их нужно пропить курсом, а затем принять решение жить без них. Но чтобы жить без них, нужно начать репетировать эту жизнь прямо сейчас.

Денис улыбнулся:

– Что нужно делать?

– Займись медитацией, йогой. Плавай.

– Оля, из меня такой же йог, как из моей жены доктор наук.

Оля промолчала, а Денис засмеялся сам своей глупой, как ему показалось, шутке.

– Чтобы научиться медитировать, необязательно быть йогом. И вообще: медитация – это осознанность. Когда ты в последний раз останавливал работу своего большого мозга? М-м?

– Так если я его остановлю, то всё – считай, труп. Как можно не думать в принципе?

– Можно и нужно. Особенно тебе с твоей проблемой.

Денис ковырял пальцем руль. Он понимал, что разговор сейчас себя исчерпает.

– Ты где? – спросила она неожиданно для Дениса, и он почувствовал, как необычное тепло растекается по всему телу.

Х

Толик и Ася сидели на берегу Финского залива недалеко от дачного поселка Цветущий Мыс. Любимое место Аси, где она проводила много времени в одиночестве или строила шалаши со своим лучшим другом Киселем. Он появился в ее жизни в тот момент, когда мальчики перестают дергать девочек за косички и уже более внятно и адекватно заявляют о своих симпатиях. Папа нашел на чердаке старый фотоаппарат ФЭД, у которого не работал затвор, но починить не смог. На работе ему подсказали: у одного из рабочих есть племянник, который может починить даже ракету. Отец отдал сломанный фотоаппарат и через пару дней получил работающий и почищенный. В коробке рядом с «пациентом» лежал какой-то сверток. Для Аси он оказался одним из лучших сюрпризов в жизни.

– Это что за лупа? – спросил отец, не понимая странной радости дочки, крутящей туда-сюда какую-то штуковину.

– Это «рыбий глаз». Сверхширокоугольный объектив с целенаправленно увеличенной дисторсией.

Отец якобы понимающе закивал и хихикнул.

– Что смешного? – спросила Ася.

– Мы раньше девок не так на свиданки приглашали. Не с помощью рыбьих глаз.

Отец продолжал смеяться, а Ася уже мучилась другой проблемой: где достать насадку на объектив, который бы сделал ее фотоаппарат единым целым с сюрпризом от странного незнакомца.

Но сейчас рядом с Асей был не Кисель, а Толик. Тот довольно почесал живот и прищурился. Перед ними, как в детстве, валялись пустые пакетики от желтого полосатика, по центру стояла литровая бутылка пива. Толик дожевывал плоскую рыбу, Ася курила и смотрела на проплывающую мимо баржу. Она думала о том, что в Выборге очень странные названия улиц: 1-й Апельсиновый тупик, 1-й Забавный тупик, 1-й Лунный проезд, 1-я Чародейная улица, 1-й Сказочный проезд... Искать логику Ася любила, но сейчас на это не хватало ни сил, ни желания.

– Короче. – Толик стряхнул плавники с джинсов и вытер руки о майку. – Мы же женимся с Юлькой. Так вот. Фотограф нужен. – Ася молча затянулась. – Короче, деньгами не обижу. Все как на рынке.

Судя по всему, у Толика дела и вправду шли неплохо.

– Сейчас на любой телефон можно снять как на зеркалку и даже лучше. Попроси шафера.

– Аська, ты как обычно. Гундишь не по делу. Тебе бабки нужны? Мне нужны фотки, и чтоб перец или перчиха с большим болтом носились между гостями. Хочу, чтоб как у всех, ясно?

– Ясно. Я подумаю. Но у меня нет портфолио свадебного. Вдруг твоя Юлька захочет посмотреть?

Толик отпил из литрухи, вытер губы рукавом.

– Юльке не до этого. Там с плодом чё-то. Пусть об этом думает.

Ася покосилась на будущего папашу, и ее передернуло.

– Чё, холодно? Ну пошли.

– Ты иди. Я посижу еще.

Толик встал, взял остатки пива.

– Ну, до связи. Заходи, мы у мамки моей живем, соседи ж. Давай.

Ася обожала фотографировать и мечтала, что это хобби станет ее профессией. Она любила совмещать свои увлечения, делать из них микс счастливой жизни. Иначе зачем жить,

если идти на постоянные компромиссы? К этой мысли она пришла в 11-м классе и решила, пора заняться поиском работы, а не просиживать штаны на скучных уроках.

– Это выпускной класс! Что ты себе вообразила?

Тогда мама кричала так, что Толик за стенкой слышал каждое ее слово. Даже в наушниках.

– Я знаю всю программу наизусть. А математика мне вообще не нужна. Деньги посчитать сумею.

Ася бросила фотоаппарат в рюкзак, села на велик и укатила в редакцию газеты «Приморский вестник». Пару лет назад свой первый в жизни фоторепортаж Ася опубликовала именно здесь. Мама рожала Асю с тетей Ниной, которая рожала Рому, и с тех пор они изредка пере-званивались. Оказалось, что тетя Нина работает уборщицей в редакции «Вестника» и у нее со всеми очень хорошие отношения. Тетя Нина не сказала, что отношения хорошие благодаря тому, что ее муж дядя Ваня снабжает халявным спиртом главреда Петра Петровича Ефимова. Но не суть: Асин опус «Рыбалка в окрестностях Выборга» опубликовали в рубрике «Ваш досуг».

В кресле Петра Петровича сидел не Петр Петрович, а какая-то грузная недовольная особа в вязаной жилетке и с вязаной розочкой на груди.

– Вам что? – спросила она, не глядя на Асю.

– Наверное, мне кого. Петр Петрович...

– Петр Петрович со вчерашнего дня на пенсии. Вам что?

Ася набрала в легкие воздуха. Нужно завершить хоть раз то, что начала. Хотя ноги уже разворачивали ее тело к выходу.

– Хочу для вас делать фоторепортажи. Желательно криминального характера.

Особа продолжала что-то печатать на доисторическом компьютере, медленно тыкая толстыми пальцами в кнопки на клавиатуре. Через мгновение, которое длилось для Аси целую вечность, она наконец подняла на нее глаза и затеребила розочку.

– У нас криминала нет.

Ася удивленно заморгала.

– Да? А на Советской вчера у маминой коллеги кошелек среди бела дня сперли. У нас весь двор трещит на эту тему.

Особа от удивления открыла рот, но быстро его закрыла.

– Вам чего надо, девушка? Говорю ж, нету рубрики такой.

– А что мешает ее открыть?

Особа нервно стукнула по клавиатуре и откинулась в кресле.

– Открыть? Это вам не банку пива открыть!

Ася поняла, что за дверью будет больше толку, чем в кабинете Петра Петровича, который со вчерашнего дня стал призраком в мире выборгской журналистики.

XI

Денис и Оля шли вдоль трамвайных путей у Большой Черемушкинской улицы. Этот район всегда удивлял Дениса. Однажды после жуткой гулянки у своего друга-телевизионщика он так надрался, что не смог сесть за руль. Вызвав такси, он сразу отрубился, а открыв глаза, увидел дома из фильма «Ирония судьбы». Была сильная пурга, и он вдруг понял, что хочет увидеть ту самую Москву из того самого фильма. Таксист обалдел, но остановился, выпустив странного пассажира. Скорее всего, его найдут завтра в сугробе около железнодорожных путей, но это не его, водителя, проблемы. Денис вышел из машины и огляделся. Кругом мело, белая пелена затянула все пространство. Под мостом пролетела электричка, по Кольцевой проехал поезд в сторону Крымской. Денис натянул воротник на нос и побрел по этому странному району. Тут сохранился дух старой Москвы, в которой перемешалось все: совок, дореволюционная атмосфера – то, что казалось Денису напрочь забытым в этом огромном мегаполисе, лишенном памяти. Эти трамвайчики, многоэтажки-коробки из рязановских фильмов, двухэтажные домики, которые чудом избежали издевательств современных архитекторов – все это смотрело на Дениса сквозь ночную метель.

Сейчас они шли с Олей по этому району, и он снова приятно удивлялся его простоте и уюту. Хотя, может, дело было не в районе? Он украдкой посмотрел на Олю. Высокая блондинка, которая никогда не пользовалась своей внешностью. Угловатая, где-то даже нелепая. Ее сестра Ритка была ниже ростом, проворнее и ярче. Хотя внешне явно уступала Оле – и понимала это. Две разные, как черное и белое, женщины, у которых был один отец, но разные матери.

– Чего ты?

– Подумал о том, что вы с Риткой не похожи совсем.

– И что тут странного? У нас разные матери.

– Ну да.

– Собственно, у нас вообще ничего нет общего, кроме пары спиралек ДНК.

– Ты так думаешь?

– К чему этот разговор, Денис? Чего тебе надо?

Несмотря на сильный ветер, который дул с северо-запада, Бухарину было очень тепло. Они стояли на мосту, по которому проехал последний трамвай в депо, а внизу пронеслась электричка. Впереди дымили трубы, и Москва казалась каким-то промышленным адом, а не городом-мечтой для миллионов желающих ее покорить.

– Я хотел встретиться. Сегодня ее день рождения. Подумал, что ты...

Оля вопросительно посмотрела на Дениса.

– Да. Глупо. Прости.

– Я уезжаю завтра утром, мне бы поспать пару часов.

– О-о-о... Куда? Зачем?

– Так... По личным делам.

Денис почувствовал укол ревности. Хотя какое он имел право?

– Надолго?

– Не знаю. Посмотрим.

В этот момент у Оли зазвонил мобильный. Она напряглась, увидев номер, но попыталась сразу же расслабиться. Денис уловил этот момент и сам напрягся по какой-то непонятной для него причине.

– Алло?

Мужской голос на другом конце виртуального провода был резкий. Денис напрягся еще больше. Но сама Оля держалась очень хорошо. Выслушав мужчину, она спокойно ответила:

– Это ваше право.

Оля отключила телефон.

– Клиент слишком нервный попался. Мне пора.

Больше они не обмолвились ни словом.

...От подъезда он отъехал в 2:07. Район безмятежно спал, кое-где посвистывали разбуженные сигнализации, вдалеке шумела трасса проспекта. Денис бросил взгляд на припаркованный в пятистах метрах черный джип, который шевельнулся через пару секунд после того, как Бухарин стартанул. Лева и Сева швырнули пакеты от чипсов на заднее сиденье и начали движение за объектом.

Денис их видел и то и дело ухмылялся, глядя в зеркало заднего вида. Нужно было придумать, как поразвлечься с этими дебилами. Но как? Устроить гонку по Кутузовскому? Но тогда она создаст лишние проблемы ребятам из ГИБДД. Не стоит их беспокоить по пустякам. Ему очень не хотелось ехать домой, а еще больше – в дом тестя. Но эти мордovorоты поведут его до любой точки, куда бы он ни направился. Может, в клуб? Эта мысль окрылила его, и он дал по газам, выдавливая всю мощь из своего «Порше».

XII

Вечер выдался спокойный. Родители рано легли спать, мама не пилила. Ася очень удивилась. Возможно, тетя Вера передала маме информацию, что Толик нанял Асю в качестве фотографа. Ситуация складывалась очень хорошо: деньги на первое время появятся, можно спокойно прикинуть, что делать дальше. Ася любила свою комнату, особенно чулан, куда вела небольшая дверь. Зайдя туда, она стала перебирать старые вещи.

Было много коробок с черно-белыми фотографиями, газетными и журнальными вырезками – фоторепортажи с рок-фестивалей или громкие нераскрытые дела об убитых журналистах, бизнесменах в Питере. Зачем ей это было нужно? Тогда – интересно, а сейчас? В большой коробке лежал аппарат для печати фотографий. Старый, но еще вполне рабочий. Мама хотела его выбросить, однако Ася с истериками отстояла. Это – ее сокровище. Было бы неплохо его заново собрать, вот только в ванной отгрохать себе фотостудию не получится. Мама на это точно не пойдет.

На старых фото были разные лица, бабушки с лавок, дворовые коты, мужики с удочками, докеры, соседские дети, баржи, корабли, родители и бабушка. Все, что являлось жизнью Аси до поступления в универ и отъезда в Питер.

На кафедру палеонтологии она попала случайно. Набор ее талантов был скромен: она отлично снимала, участвовала в фотовыставках, но никто из ее родных не считал эту способность полезной для получения профессии, приносящей стабильный заработок. Второе сильное увлечение Аси – динозавры. Вместе с Киселем они коллекционировали открытки с историческими животными, менялись книгами и мечтали откопать какого-нибудь мамонта. Если вспомнить принцип Аси совмещать хобби и работу, то вывод напрашивается сам.

– Ну а что? Биофак, в принципе, неплохой факультет, – рассуждала мама, замешивая тесто для блинчиков.

– Будет бабочек пасти?

– Ну почему сразу бабочек? Сын Лидки из бухгалтерии тоже закончил что-то связанное с биологией. И отлично сейчас зарабатывает.

– Он фармацевт, дорогая женушка. Это не «что-то связанное с биологией».

Разговор родителей прервала Ася, торжественно хлопнув входной дверью.

– Ну?! – в один голос закричали родители, выжидающе глядя на дочку.

Ася спокойно сняла кеды, зашла на кухню и села на табуретку. Вытащив из кармана зачетную книжку, она с гордостью положила ее на стол. Мама схватила дрожащими руками подтверждение того, что Ася на пять лет обеспечена заветной стабильностью.

– Это что?

– Зачетка. Туда оценки ставят.

– Кафедра чего?

Отец взял в руки зачетку.

– Пале... Палеонтологии.

Мама стояла багровая, а папа смеялся еще, наверное, с полчаса.

– Ты издеваешься?

– Я же говорил, что она будет пасти кого-то! Кости мертвых зверушек!

Ася показала большой палец и скрылась в своей комнате. Мама обессиленно опустилась на стул.

– Почему она над нами издевается?

– Почему издевается? Это ее жизнь, ее интересы. Пусть делает, что хочет.

– Ты совсем сдурел? Где она работать будет?

– Ну, дай бог, войдет в состав самых умных и ее оставят на кафедре снимать пыль с пестиков и тычинок на цветках.

– Барнум Браун открыл тирранозавра рекса! И обеспечил себе славу на века! – послышался крик Аси из другой комнаты.

Мать закатила глаза, а отец поднял указательный палец вверх.

Однажды, прогуливая спецкурс по родонитовым месторождениям Среднего Урала, она сидела на ступеньках около сфинксов и ела сосиску в тесте. В рюкзаке томилась бутылка пива, и очень хотелось выпустить живительную жидкость, как джина из лампы Алладина, наружу, а именно – в пересохший от нетипичной для этих широт жары рот. Близилась сессия, было много хвостов, и очень хотелось забыться. Ася уже полезла в рюкзак, как вдруг боковым зрением увидела, что за сфинксом происходит какая-то ссора. Мужчина хватал девушку за руку и пытался куда-то тащить. Ася спряталась за тумбу, на которой гордо восседал сфинкс, и автоматически достала фотоаппарат. Она стала снимать странную парочку непонятно с какой целью.

– Стой, дура, куда ты?

– Отстань от меня!

– И что? Это все?

– Да! Все!

Ася напрягала слух что есть мочи, но пронсящиеся мимо машины заглушали большую часть разговора.

– Ты мудак! Мудак!

– Да дай ты мне все объяснить!

Девушка вытянула руку с целью поймать машину, и это ей быстро удалось благодаря очень короткой юбке. Она быстро села в попутку, хлопнув дверью перед носом своего уха-жера. Ася сняла эту сцену. Должно было получиться весьма недурно: силуэт мужчины, который смотрит вслед удаляющейся машине, из которой высунута рука со средним пальцем. Надо чебэшечку сделать, подумала Ася и сунула в рот остатки сосиски в тесте.

Через неделю в универе Ася узнала, что студентку пятого курса нашли убитой под Сестроречком. Факультет стоял на ушах, милиция опрашивала всех подряд. Ася не знала лично эту девушку, но, когда ей показали фотографию, вдруг поняла: это та самая фифа в короткой юбке, которую она видела на набережной. И, судя по всему, Ася последняя видела ее в живых.

– Ты чё, вообще не в курсах? – спросила Асю одноклассница, когда они обедали в университетской столовой. – Она ж мутила с преподом. Такой смазливый аспирант. Выхин вроде фамилия. Он ей типа изменил с второкурсницей. А они ж пожениться хотели. По-моему, девки с ее курса говорили, даже беременная была.

Ася молча жевала рыбный салат из консервов.

– Короче, его уже взяли. Сядет, по ходу, надолго.

Всю ночь Ася не могла уснуть. Посреди ночи она пробралась мимо спящей технички тети Веры, отстегнула свой велосипед от парковки и поехала к водонапорной башне на Галерной гавани. Там в одном из гаражей была фотошкола для детей, где она подрабатывала. Дядя Миша, который организовал эту школу, работал на биофаке сторожем, а в молодости – военкором в Афганистане. Потом всю жизнь в газете «Труд» фотокором, а на пенсии вернулся в родной Питер. Ася часто ночевала в гараже среди оборудования на старом потрескавшемся кожаном диване, могла сутками не вылезать на воздух, печатая свои километровые пленки.

– Где же ты, черт!

Ася рылась в огромной картонной коробке с кучей проявленных «бочонков». И тут она вспомнила, что ту самую пленку, где запечатлена девушка и Выхин, она так и не проявила. Ася включила оборудование, достала химикаты и приготовилась к работе.

Готовые фотографии Ася отвезла в отделение полиции. Следователь долго их рассматривал, недоверчиво глядя на Асю. Потом молча засунул в папку, а Асю выпроводил, даже не

поблагодарив. Через неделю Выхина отпустили, а в тюрьму сел ублюдок, на счету которого было не меньше пяти убитых девушек в Ленинградской области.

...Замок снова громко то ли щелкнул, то ли хрустнул. Ася спохватилась спросонья. Родители ушли на работу, часы показывали 7:30. Ася в одежде полулежала на полу. Вокруг валялись снимки, а на коленях – та самая фотография с «факом». Последний привет-пока некогда живого человека. Фургон громко икнул, и в комнате воцарилась тишина. Начинался новый день.

XIII

Крот обычно тусовался за барной стойкой, и Денис не удивился, когда его лысеющая макушка засверкала среди других голов.

– Ну что, пятница-развратница? – Денис ткнул Крота кулаком между лопаток.

– Тьфу ты, черт лысый!

Крот разлил коктейль себе на рубаху.

– Денис, ну ек-макарек!

– Ты с каких пор сосеешь петушков?

– Чё?

– Коктейли пьешь с каких пор?

Крот плюнул в сторону.

– Это не мне! А вон той побрякушечке с блестяшками!

Денис прищурился.

– Боже, с каких пор в гламурном московском клубе тусуются подобные индюшки?

Крот насутился.

– Сам ты индюшка! А кстати, ты чего тут? Тесть отпустил? Долго стоял на коленках? А горох был?

– Придурок.

Крот по-доброму засмеялся.

– Слушай, Денис, ты крутой следак. Ты столько дел раскрыл, столько мерзоты упаковал. Ты Москву чище делаешь. Да что Москву! Россию! И какой-то дряхлый пень тебя натягивает! Тебе б вообще в кабинете сидеть, задрав ботиночки со стерильной подошвой, а ты бегаешь по заблеванному подворотням, хотя не обязан, ты ж не опер!

– Закрыли тему, Крот. Расскажи лучше, как там дела сегодня? Новое что-нибудь по жмурику с Сортировочной было?

Крот подмигнул блестящей побрякушке и поставил коктейль на стойку.

– Мотя только про алкоголь в крови рассказал. И все. Ждем более подробных результатов от ребят из лаборатории. Но это не быстро, ты же знаешь.

– Меня смущают его волдыри на руках. Причем на одной – ладонь. На другой – кончики пальцев.

– Пряма загадка для Шерлока, ага.

– Завтра поеду общаться с его семьей. Адрес есть?

– Да, в Королеве.

– О, чертов Королев.

– Чем тебе не нравится Королев?

Денис позвал рукой бармена.

– Никогда не любил космос. Ни фильмы, ни книги, ни истории.

– А как же Юрий Гагарин?

– Я больше по Светланам Савицким. Или Валям Терешковым. Извини.

Крот громко засмеялся и, взяв коктейли, ушел к побрякушке. Бухарин погрузился в свои мысли. Заказав 50 граммов виски, он постучал кончиками пальцев по стойке. Раньше вся эта атмосфера безудержного веселья была ему близка. Он обожал сливаться с безликой клубной массой и отдаваться ее броуновскому движению, которое успокаивало и заряжало энергией, как аккумулятор. Водка, виски, джин, энергетики – все это смешивалось в его желудке, который не нуждался в закуске и никогда не давал сбоев. До того самого дня, когда он потерял свою напарницу. С тех пор он мог часами валяться в туалете после нескольких выпитых рюмок. Организм явно сдал, и это было очень тяжело осознать.

После разговора с Олей настроение упало. Нужно было поднять его дозой виски – и как можно быстрее. Оля. Когда-то он совершил одну очень большую ошибку, хотя ошибок больших и малых у него было, конечно, предостаточно. Он запал на сестру Ритки. Напарница, конечно же, была против: она знала, что Бухарин – тип ненадежный, да еще и женат. Они разругались, Ритка хотела даже уйти из СК. Но Шмелев тогда разрулил взрывоопасную ситуацию, взяв с Бухарина слово не доводить дело в прямом смысле до греха. Они помирились. Однако натура Дениса перевоспитанию не поддавалась, поэтому он встретился с Олей тайно тем же вечером. Высокая блондинка, психолог по образованию, молчалива и ненавязчива. Она была полной противоположностью Вике, и это его заводило. Иногда он хотел спросить у Оли как у специалиста: почему? Почему после свадьбы ему стало нравиться все то, что является полной противоположностью собственной жене? Впрочем, как только он открыл рот, чтобы задать этот вопрос, звук комом стал у него в горле. Это было чувство вины. Но! Не перед женой, а перед... напарницей! Он ведь дал слово не лезть к Оле и сейчас находится в шаге от предательства. Первый раз в жизни его посетила феноменальная мысль: между мужчиной и женщиной возможна дружба. Мало того: у него – Дениса Бухарина, первого альфа-самца Москвы, – есть друг-женщина!

– Я не могу. Прости.

Оля стояла ошеломленная и, возможно, раздавленная. Это унижительно – когда тебя обламывает вот такой альфа-самец. И сейчас, нависая над барной стойкой, он понимал, что унижил ее своим отказом и, возможно, нанес травму. Оля перестала общаться с Риткой, а через пару недель их засосала работа без сна и отдыха. Об Оле он стал вспоминать все реже, и лишь смерть Ритки столкнула их снова. Денис сам позвонил сказать ей о сестре, и ту ночь они провели вместе: она рыдала на его плече, а он выкурил блок сигарет и наутро едва встал на ноги, пытаясь утихомирить вырывающееся от передоза никотином сердце. Следующая их встреча случилась через полгода после смерти напарницы. Сегодня.

– Нет, надо как-то завершить этот чертов гештальт, – прошипел себе под нос Денис, опрокинул стопку в рот и вышел из клуба.

За каких-то 20 минут он долетел до дома Оли, припарковался во дворе и побежал к подъезду. Вспомнить код удалось не сразу, но как только стандартный голос проямлил: «Дверь открыта», Денис почувствовал жгучую боль на затылке. А дальше – кромешная тьма.

XIV

Асина бабушка жила в деревянном двухэтажном доме на улице Рубежной. В детстве Ася много времени проводила в ее квартире на втором этаже – на первом окна были заколочены и никто не жил, а на чердаке под самой крышей без конца ворковали голуби. Асе всегда казалось, что это очень странная птица: лишенная какой-либо привлекательности, но при этом в отличие от ворон не вызывающая отвращения. Сорок Ася боялась: они слишком смелые и умные. Вот всякие певчие типа соловья похожи на гостей, которых ждешь, но они если и приходят, то очень быстро уходят. А сороки-вороны-голуби – это надоедливая вездесущая родня. Только вот бабушку Ася к категории надоедливых не причисляла. В ее квартире, как и во всем районе, было очень уютно. Частный сектор с активными утренними петухами, колодцы, заросшие непроходимой растительностью, дворы обитых сайдингом домиков и – откуда ни возьмись! – выросшие будто из-под земли обшарпанные пятиэтажки.

– Асенька! – Бабушка с неизменной сигаретой в руках бросилась обнимать внучку. – Ты как тут? А родители ничего не сказали!

Ася прошла в прихожую и протянула бабушке пакет, в котором чего только не было: кардамон, корица и жемчужный сахар, подливка для тефтелей, брусничный джем.

– Ой! Сколько всего! Спасибо, дорогая!

– Это все злой умысел, бабуль. Без твоих булочек я не смогу прожить и дня. Поэтому и вернулась.

Бабушка, зажав сигарету в зубах, игриво подмигнула Асе:

– Как раз тефтелей налепила. Чертов твой нюх на мою еду!

Бабушка готовила свое коронное блюдо по шведскому рецепту – тефтели с брусничным вареньем. Покупной джем она не признавала – варенье делала сама. Но, дабы не обижать внучку, баночку все-таки приняла. Мама уже почти 30 лет была в ужасе от рецептов ненормальной, по ее мнению, свекрови, а папа, как обычно, уминал все со стоическим безразличием. Ася же очень любила и тефтели с вареньем, и маринованную селедку со свеклой. Но мама считала эту еду дикой и опасной для здоровья. Кстати, саму бабулю мама тоже считала опасной. По ее словам, эта сумасшедшая старуха, которая внушила себе, что является потомком викингов, основавших Выборг, обманывает своих глупых соседей, гадая им по рунам. Бабушка же испытывала к своей невестке снисходительно-презрительные чувства, стараясь не проявлять их слишком очевидно.

– Ешь, ешь! – Бабушка сидела напротив и наслаждалась видом Аси, наворачивающей тефтельки, перемазанные вареньем. – Надолго ты сюда?

– Не знаю. Работы нет, с Олегом разбежались.

Бабушка встала и подошла к картине «Марш прогресса» Рудольфа Заллингера. Ася подарила бабушке эту картину, поступив в университет. С тех пор бабушка с удовольствием протирает рамку от пыли и жира. Особенно ее впечатлил факт, что Заллингер был родом из Сибири.

– Ну и ладно. Отдохнешь хоть. А этот Олег мне никогда не нравился. Заносчивый какой-то.

Ася пожала плечами, отставляя тарелку в сторону.

– Ты всегда хотела жить с дедом?

Бабушка вытащила сигарету из портсигара.

– Вопрос очень странный. В нем нет слова «любовь». Обычно формулировка иная.

– Спросить, любила ли ты деда?

– Ну вообще да. Так обычно спрашивают.

Ася пожала плечами.

– Деточка, тебе уже глубоко за двадцать пять. В твоём возрасте я была раз сто пятьдесят влюблена ответно. И ещё столько же безответно. Не говоря о том, что была замужем два раза. Третий – неофициально. Ну и родила твоего папку-обалдуя.

Ася хлебнула воды из граненого стакана.

– Мне повеситься пойти?

– Нет. Все дело в том, что ваше поколение не нуждается в физических ласках, как наше. Плюс мы понимали, что в любой момент на голову может упасть бомба, поэтому срочно нужно было идти получать удовольствие. У вас оно каждый день двадцать четыре часа в сутки – и бомб не предвидится.

– Бабуль, а твоя легенда про предков-шведов – это тоже нужда? В красивой сказке?

– Почему сказке?

– Ну кругом же советская гниль, строим по жизни... Ты такое не любишь, я же знаю. Это, кстати, наследственное, если что.

Бабушка затушила сигарету в пепельнице и засмеялась.

– Ты понимаешь, что такое семейная легенда?

– Да. Это то, чего, возможно, не было, но родственники убеждают себя в том, что было. Чтобы чувствовать себя частью какого-то целого и меньше ощущать свою посредственность.

– Ася, ты мыслишь очень ограниченно.

– Только не приводи в пример яйца Фаберже или кулончик графини Трубецкой. Такие штуки были почти у всех моих одноклассниц.

– Не у всех! Не ври!

– Ты где-то припрятала весло от драккара?

Бабушка в один миг сделалась грустной.

– То есть если я не покажу тебе кольцо какой-нибудь шведской принцессы, ты не поверишь, что у нас в роду были основатели этого города?

Асе стало стыдно. Она вовсе не хотела расстраивать бабушку, хотя та и стала когда-то причиной ее многочисленных проблем в жизни.

– Я думаю, тебе пора пройтись. Ко мне скоро придет тетя Галя. Ей нужно помочь разобраться в отношениях с невесткой и новым ухажером.

– Тете Гале шестьдесят семь лет!

– Ты считаешь, что в шестьдесят семь можно спешить только на кладбище?

Бабушка убрала из-под носа Аси тарелку и молча поставила ее в раковину. На краю стола лежала коробка с рунами, намекая Асе на то, что ее время для общения с бабулей вышло.

XV

Денис открыл глаза, но удалось ему это не сразу. По-видимому, вместо глаз у него были мясистые холмики, в которых спрятались глазные яблоки, чудом уцелевшие в диких боях не то берцами, не то арматурой. Вокруг были бетонные стены, а на потолке болталась одинокая лампочка.

– Очухался, сволочь.

Голос Григория Александровича. Чей же еще. На голову Денису вылилось ведро ледяной воды, и он едва не захлебнулся от неожиданности. Но жажда оказалась сильнее боли, и язык самостоятельно начал вылизывать пересохшие губы. Кто-то крепкий тащил его за руки и усаживал на стул. Наверное, кто-то из псов Григория Александровича. Денис едва мог ощущать свое тело в пространстве. Его качало и мутило. Не иначе как сотрясение, хотя вообще удивительно, что он еще жив.

– Сегодня в пять садишься на самолет до Питера. Так что без выкрутасов. Даже не пытайся.

– Э-э-э...

– А если не послушаешься и вздумаешь вернуться, то вот это окажется у твоей шлюхи в бардачке.

Григорий Александрович повертел в артритных пальцах пакетик с белым порошком. Бухарина подняли на ноги и пнули под зад в направлении железных дверей.

– И еще.

Чья-то рука резко тормознула Дениса, и от этой непредвиденной остановки мозг перевернулся и едва не вытек наружу через ноздри.

– Спасибо Вике. Что я тебя жить оставил. Выродок.

Толчок в спину, и Дениса стошнило прямо на дверь, за которой тусклой полоской света подмигивала ему только что начавшаяся вторая жизнь.

... Отражение в зеркале в квартире в башне с упреком пялилось на Дениса. Глаз не видно, губы – как переваренные каким-нибудь недотепой-поваром мидии. Желто-синие и пахнут так же. Денис сплюнул в раковину и начал смеяться. Еще сутки назад у него была красавица жена, модный лысый кот и тесть-генерал, который его хоть и терпеть не мог, но уважал за профессионализм. Да, Денис его ненавидел и боялся. Да, он чувствовал страх вперемешку с ненавистью, любовь к жене напоминала ему жалость к котенку с перебитой лапкой, но, черт возьми, так живут миллионы. У него была яркая, интересная жизнь и будущее, какое только выберешь. Будь ты только верным мужем, Бухарин. И все. Будь только верным. Но верным быть сложно, когда после тяжелых будней оперативника тебе светит классная тусовка в ICON с умопомрачительными красотками. Зачем тогда женился? Ну, влюбился. Вот только кто сказал, что после свадьбы нельзя влюбиться еще раз? И еще, и еще? И вот этому «еще и еще» пришел конец. Конечно, тесть мечтал бы закопать Дениса где-нибудь на помойке в Бутово. Крайние методы никто не отменял. Даже наоборот: сегодня они снова в моде. Но по какой-то причине Григорий Александрович решил иначе. Он решил отправить Дениса не в могилу, а в какую-нибудь глушь, где тот будет работать то ли участковым, то ли еще какой-то швалью без шанса на возвращение в Москву. Уж лучше бы проломил череп. Глядишь, они с Риткой на том свете чертей бы погоняли.

– Твою мать, почему ты ушла?!

Денис разрыдался. Он ненавидел ее за то, что она его оставила в тот момент, когда больше всего была ему нужна. Ради нее он даже меняться стал, готов был стать другим человеком, а эта другая жизнь и его личную бы с Викторией изменила. Но эта чертова сучка Ритка все испортила!

Пришло время собирать камни. Конечно, можно свалить за границу, однако он уверен, что тогда небольшой пакетик с содержимым, похожим на порошок «Тайд», окажется у Оли в бардачке. А Олю он любил. Пока еще непонятно, как кого – сестру убитой подруги или все-таки женщину?

Денис стоял перед сваленной в кучу одеждой. Похоже, ее не удосужились даже положить в чемодан или сумку. Просто свалили в пакет, а когда кинули на пол, она вся и вывалилась, как внутренности из распоротого живота. «Дольче и Габбана», «Армани», даже лифчик от Стеллы МакКартни почему-то затесался. Неужто Вика решила так отомстить? Засунув чужое белье специально в этот трупный мешок? Денис поднял его разбитыми пальцами (видимо, хотел дать сдачи, но вместо этого получил по костяшкам какой-то штуковиной) и поднес к носу. Запах свежести и закончившейся райской жизни. И ведь ему с Викторией было в постели как ни с кем. Тогда почему? По-че-му?

Денис швырнул лифчик в сторону и полез в бар. Там стояли остатки «Джим Бима», и он присосался своими разбитыми губами-мидиями к теплой жидкости, которая сразу же обожгла его раны. Но эта боль быстро привела его в чувство, и он понял, что нужно срочно сделать до того, как его жизнь окончательно полетит под откос.

XVI

Утро невесты началось с утра родителей. Асин папа собирался на рыбалку, наступил на хвост Фургона, тот от обиды обоссал мамино платье, в котором она собиралась на свадьбу Толика.

– Я убью этого дебильного кота! – орала мама.

Папа тихо закручивал банку с червями. Фургон лизал хвост и с ненавистью смотрел то на хозяина, то на хозяйку.

– И вообще, нас пригласили всех! Как тебе не стыдно идти на рыбалку? Демонстративно!

– Зоя, мне больше нравится выпивать на природе, а не в душевой заводской столовке.

– Эгоист чертов, как и твой кот-дебил. Корни взыграли?

– При чем тут корни? Не люблю я их семейку. А невеста эта... Наслышан я про нее на базе. Мужики болтали давеча. Толиков ли это?

– Хватит! Мужики болтали! Нормальная девочка! Ребенка пытается сохранить! Вам этого не понять! Наша вообще...

Ася шла в туалет, но после фразы «нашавообще» решила свернуть в кухню.

– Что нашавообще? – спросила она, выпивая стакан воды.

– Ничего, – буркнула мать. – Рожать надо! А не на роликах кататься, как подростку тринадцатилетнему! Тебе двадцать семь лет! Скоро двадцать восемь! В твоём возрасте я...

– В моем возрасте ты не знала, кто такой Феллини.

Мама швырнула обоссанное Фургоном платье в Асю. В ее глазах были слезы, отчаяние и унижение. Ася поставила стакан на стол и молча вышла. В отношениях с родней определенно что-то не клеилось.

Подъезд был увешан воздушными шариками, какими-то плакатами и дешевой мишурой. Ася протерла сонные глаза и позвонила в дверь. Звонок не работал. Тогда она постучала. Снова тишина. Сзади по ступенькам шаркали чьи-то ботинки. Ася обернулась. На лестнице стоял Алехандро – дядя Саня, который славился своей неумемной потенцией, характерной для южно-европейских мужчин, а никак не для славян, проживающих в северо-западной точке России. Он был в разводе, имел на неделе по десять женщин, а может, и по двадцать, отчего все местные мужики дико завидовали ему. Еще у него не было детей и не приходилось платить алименты. Вся Россия считает таких людей бездарными существами, а Ася была уверена, что ему просто завидуют. Алехандро жил в свое удовольствие, прекрасно понимая, что жизнь может завтра закончиться. В лучшем случае тебя не съедят коты, а похоронят, прибив к кресту табличку с именем. Даже при наличии детей нет гарантии, что на могиле вырастут цветы, а не сорняки.

– А нету там никого. Ночью шумели, утром Юлька свалила. Верка за ней поехала вроде.

Алехандро пошел дальше в свою квартиру этажом выше. Ася легонько толкнула дверь, которая со скрипом открылась.

Толик лежал на диване лицом вниз, напоминая труп. Рядом стояла бутылка водки и оранжевый от сухости кусок сыра.

– Утро невесты.

Толик подскочил на кровати.

– Е-мое, Ася! Кто ж так пугает?

Толик протер глаза и сел на диване.

– Где невеста?

Толик потянулся за пачкой сигарет, вытащил одну и прикурил.

– К своим поехала. Психанула. Плод в башку дал ссулями, наверное. Ее и понесло. Я ща умоюсь и отвезу тебя. Все в силе, Аська, спокуха.

От Толика несло потом, водкой и сигаретами. Типичным запахом русского мужика, за которого по каким-то неведомым причинам русские бабы идут замуж. Ася вспомнила Олега. От него никогда не пахло потом, водкой и сигаретами. Потому что он использовал парфюм, регулярно мылся, не пил и не курил. Ася почувствовала что-то вроде безысходности и тоски. Может, отец Олега прав? Как вменяемая баба может отказаться от такого парня? И почему Олег так ее бесил в последнее время? А может, он бесил ее всегда? Ася посмотрела на себя в зеркало. В принципе ответ лежал на поверхности. Коротко стриженная угловатая девушка, больше напоминающая мальчика-подростка. Впечатление у людей оставляет вполне однозначное. Безответственная, дерзкая. Даже сейчас, когда Ася решила бросить работу, которая ей в принципе нравилась, чтобы развиваться, ее никто не поддержал. Решение об увольнении казалось всем очередным шагом на пути в пропасть.

На самом деле пропасть была не так далека. Ася понимала, что совершенно не знает, что ей делать дальше. Когда люди не знают, какой путь выбрать, они возвращаются к родным пенатам, чтобы понять себя, разобраться и найти выход из тупика. Но Ася сознавала, что здесь она не примет правильного решения. Нужно было рассчитывать на свою интуицию, однако та молчала.

Окончив университет, девушка получила возможность остаться ассистентом на кафедре палеонтологии и путешествовать по всей стране в поисках костей и окаменелостей. Бурятия, Сибирь, Урал, Алтай – Ася объездила все самые интересные места России и поначалу чувствовала себя абсолютно счастливым человеком. Копаться в земле было сродни медитации.

Но однажды все изменилось, и она перестала радоваться, когда обнаруживала позвонки плезиозавра или даже целый скелет пситтакозавра сибирского. Дело было в истории про маньяка: монстр, который мог убить еще много девушек, именно благодаря Асе был наконец остановлен. Она все чаще вспоминала ту историю и теперь не была уверена, что идет правильным путем. Она больше не знала, куда двигаться дальше, потому что не могла повторить *то* ощущение. Чувство, что ты находишь что-то действительно важное, что может изменить жизнь человека.

XVII

От Королева до аэропорта Шереметьево можно было добраться за минут пятьдесят, если не встанешь в пробку. Денис поднимался на пятый этаж обшарпанной серой хрущевки, вдыхая ароматы пельменей, борщей и жареной картошки. Дверь в квартиру погибшего Игоря Сорокина, которого Денис прозвал Сортировочным по месту его гибели, говорила о многом. Ее пытались выбить, поджигали звонок и, по-видимому, метили коты. Бухарин ожидал увидеть хозяев непрезентабельного вида и с характерным запашком, но ошибся. Дверь открыл невысокий мужчина в дешевом, зато аккуратном спортивном костюме со стрелками на штанах. У него было осунувшееся серое лицо и красные влажные глаза. Он молча пропустил Бухарина и жестом указал на тапочки, стоящие в специальном месте в прихожей. Бухарин снял обувь, надел тапки и прошел в зал. Там на диване сидела такая же серая и худая женщина. Можно было подумать, что это брат и сестра, но Денис догадывался, что это родители погибшего. В комнате было аскетично и аккуратно. На полке стояли книги из серии ЖЗЛ и портрет с черной лентой. Бухарин привык к этому зрелищу. С портрета всегда смотрит беззаботно улыбающееся лицо, и следовательно где-то в глубине души никогда не может поверить, что еще пару часов назад он видел просто безжизненную оболочку, которой иногда везет оказаться в презентабельном виде. Игорю Сорокину повезло в этом плане. Отогнав эти циничные мысли, Бухарин сел на стул в другом конце зала. Женщина бросила на него быстрый взгляд и продолжила смотреть на улыбающегося с фото сына.

– Расскажите об Игоре. Что-то происходило в его жизни в последнее время? Странное, нетипичное?

Отец сел рядом с матерью, взял ее за руку, но она убрала ее. Бухарин отвел взгляд, делая вид, что рассматривает комнату.

– У Игоря вся жизнь была... нетипичной. Он наркоман. Поэтому его конец... не был чем-то...

Бухарин понимающе закивал.

– У него были враги?

Отец пожал плечами:

– Он почти ничего не рассказывал о своей жизни. Но последние полгода все было хорошо. Он ходил к психотерапевту, лечился. Мы продали квартиру, чтобы ему помочь. Не знаю, что еще можно было...

Женщина заплакала и вышла. Отец держался, но было видно, что он осилит всего пару вопросов.

– Я понимаю, что вам сейчас очень тяжело. Но нам важно понять: смерть вашего сына – трагическая случайность или убийство.

– Честно говоря, удивлен, что вы вообще заинтересовались этим.

– Почему?

– Ну как? Наркоман. Нашли на рельсах в собственной рвоте. Что тут расследовать?

– Вы сами сказали, что он был в завязке.

– А вы много видели бывших наркоманов?

– Вы не верите, что ваш сын мог завязать?

Отец откинулся на спинку дивана.

– Моя жена верила. А я... Нет. Я знал Игоря. Он не был из числа тех, кто имеет силу воли. Вся эта его завязка была вопросом времени. Что угодно могло спровоцировать откат.

– Я и пытаюсь понять, что же могло случиться.

Мужчина посмотрел на Бухарина холодным взглядом уставших глаз.

– Он сделал нашу с Тamarой жизнь непрекращающимся адом. И после смерти этот ад не закончится. Она будет винить меня в том, что я недостаточно скорблю. А я... Я не знаю, чего во мне больше, каких чувств. Скорби по погибшему сыну или... облегчения.

Денис испытывал жалость к погибшим людям, смерти которых ему приходилось расследовать. Это чувство стало чем-то привычным. Он уже практически его не замечал. Но сейчас ощутил остро, глядя на худого мужчину, который, по всей видимости, был порядочным и образованным человеком и удел которого – научиться любить пропащего сына. А после его смерти – научиться скорбеть по нему.

– У Игоря была девушка?

– Были. Последняя – какая-то узбечка или казашка. Я, честно говоря, так и не понял. Динара, что ли. Она в Москве живет. Работает вроде бы в каком-то кафе. Адреса не знаю.

Денис посмотрел на мужчину, понял, что разговор дальше не принесет пользы, и достал визитку.

– Возьмите. Это мой телефон. Если что-то вспомните, звоните в любое время.

Мужчина так и остался сидеть на диване, крутя в подрагивающих пальцах визитку Дениса.

– Стойте, – услышал Денис голос матери Игоря, когда уже вышел на лестничную клетку.

Женщина протянула Бухарину листок и молча закрыла дверь. Бухарин развернул его и прочел: «Самаркандский плов. Ст. метро Пражская».

XVIII

Толик вошел в комнату. На нем был костюм – дешевый, но выглаженный. В отличие от его лица, помятого и некрасивого.

– Погнали, что ли.

Толик был неразговорчив всю дорогу. А Асе, наоборот, хотелось болтать. Ей предстояла совершенно унылая, по ее мнению, работа. И заряд энергии не помешал бы.

– С деньгами у тебя все хорошо, я смотрю? Твоя заслуга или?..

Толик молча свернул на трассу.

– Хочешь спросить: «Или повезло?»

– Типа того.

– Моя, – уверенно ответил Толик. – А что?

– Ну мало ли. В Америке «золотая лихорадка» – это что? Удача? Или пахалово?

– Так смотря для кого. Для индейцев – пахалово. Для бледнолицых господ – удача.

– Там не только «золотые лихорадки» были.

– Алмазные?

– Динозавровые.

– Чё?

Ася улыбнулась. Начиналась ее любимая тема.

– Город Шелл, штат Вайоминг, США. Там сейчас живет не больше пятидесяти человек, но именно там нашли больше сотни скелетов динозавров. Это негласная их столица. В XIX веке здесь была настоящая «динозавровая лихорадка». Толпы бандитов носились в поисках костей и продавали их за сумасшедшие деньги.

– С ума сойти! А можно туда как-то?

– Делай визу и мотай.

– Надо подумать!

– Главное – найти целый скелет. Зубы сейчас мало кого интересуют. Вот ты прикинь, дреднот, аргентинозавр, патаготитан... Эти ребята весили больше пятидесяти тонн. Это больше «Боинга 737»!

Толик был шокирован и с открытым ртом так и ехал до пункта назначения.

Ася очень удивилась, когда жених припарковал свой УАЗик с огромным бантом на капоте около двухэтажного коттеджа на улице Цветущий Мыс. Название было романтичным и светлым, однако не соответствовало действительности. Улица представляла собой разбитую дорогу, с одной стороны которой был лес, загаженный мусором, а с другой – огороженный забором участок с коттеджем.

– Мы за свидетелем приехали?

– За Мордворотом, что ли? Не. Это Юлькин дом.

Ася открыла рот от удивления. Коттедж был не самый модный, не рублевский, но это был выборгский коттедж. И жил в нем явно какой-то местный авторитет. На папином судостроительном заводе таких денег не зарабатываешь. В России, часто думала Ася, вообще можно или украсть, или убить, другого способа заработать приличные деньги в этой части мира как будто не придумали.

Из коттеджа выбежала тетя Вера. Она молча подбежала к Толику, не обратив никакого внимания на Асю и на то, что встала тапками в лужу.

– Дебил недоделанный! Чего мне стоило ее уговорить!

Толик сплюнул в сторону, поправил галстук.

– Мать, не гунди.

– Ты понимаешь, что женишься на ней только потому, что ее отчиму плевать на нее? – Толик в ответ пожал плечами. – Иди давай!

– Так жениху ж типа до свадьбы-то нельзя невесту... – Ася попыталась вставить предложение, которое, кроме недоумения, ничего не вызвало у тети Веры.

– И ты давай уже иди снимай! Пока она еще на ногах стоит.

– В смысле? – Толик вынул сигарету изо рта.

Тетя Вера махнула рукой и ушла в дом.

– Слушай, Толян. Тебе это надо?

– Чё?

Ася кивнула в сторону особняка.

– Олигарх падчерицу тебе отдает, но не все это.

Толик хмыкнул и потопал в сторону дома.

Невеста была «хороша». Платье еле сходило на лопатках, из-за чего пришлось вручную перешивать застежку. Ася не понимала, что происходит и что ей нужно запечатлеть. Юлька сидела, широко раздвинув ноги и потягивая бокал шампанского.

– Мне дышать нечем, тетя Вер. Куда ты там еще тянешь?

– Юля, оно по швам пойдет! Ну куда вы смотрели, когда брали?

– Так это – ик! – я ж еще не беременная была.

Ася шелкала затвором, снимая крупным планом бантики на туфлях. Юля прищурилась, рассматривая Асю.

– Ты чё там делаешь?

– Снимаю детали.

– Какие детали? Зачем нам фотки обуви?

Ася вздохнула и оставила туфли в покое. Юля встала со стула, пытаясь запереть обратно в декольте вывалившийся бюст.

– Твою мать... Эй, фотограф. Напротив шторними. Тетя Вер, дай букет. Всему учить приходится.

Юля пошатнулась. Тетя Вера бросилась ее поддерживать. Ася закатила глаза.

– Чё кривишься? Выпей на лучше. Может, раздуплишься.

Юля протянула свой бокал с отпечатками помады Асе. В комнату вошел Толик.

– Мордovorот придет к десяти. Прогулку, короче, снимаем до ЗАГСа.

– Почему? – спросила Ася.

– Ну а чё гости делать будут, пока мы под памятником будем фоткаться и венки раскладывать?

– Какие венки? Какой памятник?! – Юля махнула рукой и села.

– Толян, ты кого привел? Что за олениха? Она вообще не шарит в традициях? Иди, деточка, пофоткай лучше бухло папика. У него коллекция целая, бутылочки такие малюпаченькие, как член моего будущего мужа.

– Юлька! – Толик пошел пятнами, как после краснухи.

– Чё Юлька? Удивляюсь, как вообще залетела. Хотя, может, от Иванцова?

И тут случилось непредвиденное. Толик отмочил такую смачную оплеуху невесте, что треск от нее стоял еще минут десять в ушах присутствующих. Реакция невесты была тоже удивительной. Она схватила Толика за ремень, притянула к себе и стала расстегивать ему ширинку. Тетя Вера выпихнула Асю с ее техникой в другую комнату и закрыла дверь наглухо.

– Сними детали на моих босоножках, а? Там ремешок такой с блесточками. Тебе ж детали нужны, да?

XIX

Денис занял свое место у иллюминатора прямо над крылом. Он всегда думал, что оно самое безопасное, пока однажды в клубе не подцепил стюардессу «Эмирэйтс», которая после бурной ночи рассказала ему, что лучше садиться у прохода в самом хвосте самолета. Никто не хочет занимать это неудобное место, но по статистике именно там выживает самый большой процент пассажиров.

Люди постепенно заполняли салон, и Денис молился, чтобы кто-нибудь с ребенком не устроился рядом с ним. Он закинул таблетку антидепрессанта в рот и закрыл глаза. Хотелось быстрее уснуть, вот только раны на лице так саднили, а ребра ныли, что вряд ли ему удастся даже задремать.

Разговор с родителями парня с Сортировочной не дал никакой зацепки, кроме адреса узбекской закусочной, где работала его девушка. Больше всего Бухарину хотелось помчаться сейчас на «Пражскую», но рисковать Олей он не мог. Зная своего тестя, который слов на ветер не бросал, он решил послушно сесть в самолет до Питера. Однако мысли о «сортировочном» не оставляли его. Ну погиб очередной наркоман, ну бывает. В Москве каждые две минуты гибнет какой-нибудь неудачник, а бумажек на них заполнять нужно тонны.

Самолет завел двигатели. Бухарин вытащил айфон и набрал номер.

– Егоркин? Что по начинке мобильника Сорокина? Что-то интересное есть?

– Изучаем, Денис. Был «Вайбер», «Телеграм» и «ВКонтакте».

– Переписку с Динарой, Дамирой или что-то подобное увидишь – обрати внимание. И слей мне всю его телефонную книжку на мыло.

Денис отключил телефон и закрыл глаза.

– Денис, вы следуете многовековой моде? – низкий женский голос заставил Бухарина подскочить на своем месте.

Он повернул голову и непонимающе захлопал ресницами. Перед ним была до боли знакомая женщина лет сорока пяти или чуть старше, но он в упор не помнил, откуда ее знает.

– Чего? Какая мода? Простите.

– Мода на шрамы.

Денис машинально потрогал разбитые губы и ухмыльнулся. Женщина вдруг резко потеряла к нему интерес и спокойно застегнула ремень. Бухарин же думал, как начать разговор: желание выяснить, откуда эта дама его знает, теперь не отпустит.

– Не волнуйтесь, я уже поняла, что вы меня не помните. Ваш отец познакомил нас. Он занимался нашим иском против авиакомпании, когда они нарушили договор и отказались распространять наши издания.

– Ах, да. Вечеринка в «Балчуге». Конечно, помню. Алла... Петровна?

– Ирина Дмитриевна.

Денис съехался от неловкости и уперся коленками в сиденье спереди.

– Вы зачем в Питер? – спросила Ирина Дмитриевна.

– На новое место жительства.

– Вот как? Любопытно.

– А мне-то как любопытно. А вы зачем?

– Я открыла новое онлайн-издание. Бумажный глянец, увы, уже на ИВЛ. Но там такой бардак, что, думаю, как бы не пришлось все прикрыть к чертовой матери. Девушка, коньячку можно?

Стюардесса склонилась над сиденьем, и Денис сделал попытку изучить содержимое ее декольте. Но форма была разработана таким образом, чтобы подобные Денису товарищи не смогли этого сделать.

– Извините, пожалуйста, мы начинаем рулежку, поэтому напитки и еда будут поданы чуть позже, как только самолет наберет необходимую высоту.

Денис вспомнил эту загадочную даму. Его отец – известный в Москве адвокат – знал всех состоятельных и влиятельных людей в городе. Для него статус равнялся жизни. Нет статуса – нет жизни. Без статуса жизнь не жизнь. И все в таком роде. Ирина Дмитриевна Кострова была владелицей крупного издательского холдинга Mediastar, поэтому отец просто обязан был знать ее лично. Дениса тошнило от этого отцовского подхода с ранней юности, когда он стал соображать, что такое имя, репутация и тот самый статус. Даже семья была для адвоката не таким важным, как все вышеперечисленные понятия.

Вспомнив об отце, Денис почувствовал дурноту. Возможно, это перепад давления (самолет стремительно набирал высоту), но себя не обманешь. Именно такое чувство Денис и испытывал, когда речь заходила о Бухарине-старшем – успешном, классном профессионале, но закоренелом эгоисте и отвратительном отце.

Родители развелись сто лет назад, когда Денис еще учился в школе. Это был класс пятый, и до того случая он ни разу не видел человеческой подлости. Именно так он назвал поступок отца, который, придя вечером из ресторана, ударил маму по лицу. Отец выиграл тогда дело какого-то коррупционера и нажрался до свинячьего визга. Он швырял деньги по всей квартире и орал на мать за то, что она имела неосторожность упрекнуть его за позднее возвращение домой в нетрезвом виде. Удар был несильный, но меткий. Кровь хлынула на новый ковер, отец разозлился еще больше и толкнул мать на диван. Дальше Денис помнит отрывками. Он прыгнул на спину отца, тот не удержался и рухнул на журнальный столик. Денис бил отца по голове, спине, потом колотил пол кулаками и наутро проснулся с разбитыми костяшками пальцев. С тех пор отца он ненавидел и жил в неполной семье.

XX

Ася шла по тропинке к реке. Она дошла до бревна, откуда открывался чудесный вид на залив, села покурить и подумать. Мимо проплывала баржа, на которой Асе больше всего хотелось сейчас оказаться. Она не доснимала свадьбу Толика, бросила парочку на ступеньках ЗАГСа, да еще и средний палец показала на прощание. Последней каплей стал момент, когда она выбирала ракурс, а сзади к ней недвусмысленно пристроился свидетель Мордоворот. Этим хмырем оказался вовсе не огромный детина, каким его она представляла изначально. Это был худой, серый коротышка с ужасным запахом изо рта. Он как увидел Асю – так и не переставал к ней клеиться. Кичился ключами от последней модели какого-то китайского псевдоджипа и говорил, что за неделю на заднем сиденье этого корыта побывало не меньше полусотни девок. Когда он стал распускать руки и говорить, что Ася – обслуга на свадьбе друга, ее терпение лопнуло. Мордоворот получил в глаз фотоаппаратом, свадьба осталась без фотографа. Мама обрывала телефон Аси, писала истеричные сообщения, что их семья опозорена, что у нее больше нет дочери, что Фургон – теперь единственный ее ребенок. Последнее было о том, что Асе нужно обратиться к врачу и что отец Олега – умнейший человек. Ася собрала вещи, забежала к бабушке, которая вручила ей пакет горячих булочек, и пошла на реку искать отца.

– Ты что тут? – услышала Ася его голос.

Он стоял с ведерком, откуда торчали хвосты полуживых рыб. Отец сел рядом и покосился на догорающий окурок между пальцев Аси.

– Ты б не увлекалась особо... Лучше водку пей. – Ася затушила сигарету. – Сняла уже все? – Ася отрицательно покачала головой. – А что? Сбежала?

– Ну вот такая у тебя дочь.

Отец посмеялся и покачал головой.

– Я удивился, что ты вообще согласилась снимать этих дурачков.

Ася посмотрела на отца.

– Пап, как ты тут живешь?

Отец пожал плечами.

– А где лучше-то? В Москве загаженной? Или в Америке той, где то негры стреляют белые, то негры белых? Везде ж свои проблемы. Надо делать то, что хочешь. Не хочешь на свадьбу дурачков – не иди. Я вот на рыбалку пошел. Рыбы наловил. А мамка как посерпает сегодня уши, так сразу орать перестанет.

– Но у меня нет работы. Соответственно, нет денег. А свадьба, как ты говоришь, дурачков могла бы мне их дать.

– На панели тоже работают. И что, ты ради денег туда полезешь? – Папа рассмеялся и положил руку на Асино плечо. Рыбы хвосты нервно подергивались в ведре.

– Как ты думаешь, почему я уволилась с кафедры?

Отец задумчиво вглядывался в морскую гладь.

– Из-за денег?

– Ты же понимаешь, что деньги – это всегда пункт номер два. Номер один – всегда что-то другое.

– Иногда я боюсь услышать, как звучит твой пункт номер один.

– Не только ты, – грустно усмехнулась Ася.

Отец пнул ведро с рыбами, и те послушно заглохли.

– Твой выбор профессии не случаен.

Ася удивленно посмотрела на отца.

– Твоя бабуля всегда мечтала стать археологом.

– Ты шутишь?

– Не-а. Она ж у нас двинутая на легенде, что мы с тобой потомки викингов.

– Ну это не новость. Весь Выборг, похоже, в курсе.

– Это да. Но ты никогда не задавалась вопросом, почему бабуля на этом завернута?

Ася пожалала плечами и посмотрела на папин висок, давно уже побелевший, хотя раньше у него был странный оттенок. Казалось, что папа брюнет, но при ближайшем рассмотрении были отчетливо видны рыжие отливы.

– Прабабушка передала это твоей бабуле.

– Это? Что «это»? И кому прабабушка? Тебе, мне?

– Прабабушка нашей бабули. Она передала ей монету времен Густава Вазы. Знаешь, кто такой?

– Ну знаю, конечно. Шведский король, при нем Библию на шведский перевели, и он основал регулярный флот.

Отец подозрительно посмотрел на Асю.

– Ты замуж хочешь?

Ася непонимающе захлопала ресницами.

– А при чем тут Густав Ваза?

– Да при том! Ты слишком умная! В поиске мужа тебе информация про Густава Вазу только помешает.

– Значит, буду костям рассказывать про королей. Они молчат, а я люблю, когда молчат.

– Ладно, не дуйся. Короче, про Вазу. Точнее, про бабулю. Она мечтала всегда искать какие-то древности, копаться в старом барахле.

– А возможно, что эту монету нашли просто в каком-то здании Выборга или даже в луже около замка Олафа?

Отец пожал плечами:

– Всем нам нужно в жизни что-то, за что можно ухватиться, когда идешь на дно.

– Бабуля шла на дно?

– В отличие от тебя она начала жить по своим правилам только на пенсии.

– Хорошо, что смогла!

– Не все так считают. Но она молодец, да.

Отец встал и похлопал Асю по плечу.

– Я домой. А мамке ты позвони или напиши хотя бы. Если не вернешься.

Отец взял ведро с притихшими рыбами и, щелкнув Асю по носу, пошел по тропинке.

– Бабуль? – Ася дождалась, пока отец скроется за поворотом, и набрала номер. – Прости меня. Я приеду в следующий раз, и ты мне покажешь монету, ладно? Нет, папа не козел и не старый. Испортил все? Ладно, ладно, пока!

Ася забросила рюкзак на плечо и пошла по тропинке, рассматривая, как заходящее солнце оставляет нежно-оранжевый след на стволах древних деревьев.

XXI

Вздremнуть так и не удалось. Ирина Дмитриевна ни слова больше не сказала в полете, она была чем-то загружена, и мысли не переставали морщить ее ухоженный лоб. Денис пялился в иллюминатор, съжившись от мучившей его боли во всем теле.

К маме ехать было нельзя. Она упадет в обморок, увидев его распухшую рожу, а когда полезет обниматься, то нечаянно придавит, вполне возможно, сломанное ребро. Оставалось поселиться в гостинице. Недалеко от дома матери был отличный финский отель, где можно было пару дней зализывать раны, а затем предстать вполне приличным сыном.

– Удачи вам, Денис, – сказала Ирина Дмитриевна около ленты выдачи багажа.

– И вам хорошего разрешения ваших проблем, – ответил вежливо Бухарин.

Среди знакомых отца все-таки находились приличные люди. Правда, о приличии этой дамы Денис не знал ничего, но она хотя бы вызывала уважение.

Бухарин сел в такси и набрал Вику. Жена не отвечала ни на сообщения в «Вайбере», ни на звонки. Интересно, что наплел ей этот старый извращенец тесть? Раньше она принимала Дениса даже после жутких загулов, когда его рубашка еще всю благоухала чужими духами. А тут – на ровном месте, когда не было и намека на измену... Видимо, чудовище просто выбрало определенный момент и решило взять судьбу Дениса в свои руки. Интересно, что будет дальше? Развод? Раздел имущества? Почему-то в первую очередь Денис подумал о своей норе в башне. Она была куплена на деньги, подаренные тестем и отцом Дениса. То есть ее также придется пилить пополам. Хотя какой смысл думать сейчас об этом? Тесть не позволит Денису вернуться в Москву, он это дал ясно понять. Инстинктивно Бухарин пощупал разбитые губы и поморщился. Не от боли, а от отвращения к самому себе. Как можно было попасть в такую ловушку? Желание жить безбедно? Получать прощение даже тогда, когда его в принципе нельзя получать? Страх перед сильными мира сего? Желание не уступать отцу – везунчику по жизни и отъявленному негодяю?

Мобильник в руке Дениса завибрировал.

– Бухарин слушает.

– Здравствуйте, Бухарин. – Незнакомый мужской голос откашлялся и продолжил: – Это майор полиции Якобзон. Ожидаем вас сегодня в обед по адресу: улица Турбинная, 8, Пятое отделение полиции Кировского района города Санкт-Петербург. Без опозданий просьба.

Денис стиснул зубы и тихо ответил: «Буду». Какой еще, к черту, Якобзон?

Заплатив таксисту, Бухарин вылез из машины и осмотрелся. Родная Восьмая линия, по которой он носился к Неве, вечные сквозняки и изморось. Ну, здравствуй, дом. Хотя дом его на самом деле очень далеко отсюда – на улице Наличной, в очень непрезентабельном районе Васьки. А вот и вполне сносный финский отель, в котором убойные завтраки, после которых весь день можно не думать о еде. Они с Викой тут останавливались на Новый год, чтобы было ближе ходить к маме в гости. Правда, были в гостях они всего лишь пару раз за три года совместной жизни. Вика не знала, кто такой Вальтер Скотт, чем очень расстроила мать Дениса – доцента филфака СПбГУ, специалиста по английской литературе. Информация о том, что Вика прочитала всего «Гарри Поттера», не особо впечатлила заслуженного филолога.

– Будущее за фрилансерами, – попыталась еще раз реабилитироваться Вика, почему-то ляпнув эту неизвестно откуда появившуюся в ее красивой, но не очень умной голове мысль.

Мать Дениса изобразила заинтересованность и ответила:

– Тогда вам точно понравится Вальтер Скотт, так как он первый из всех мировых писателей написал о фрилансере.

– Да? И кто это был? – заинтересовался Денис.

– Айвенго.

– Ого! – воскликнула Вика. – А как роман называется?

Денис прикрыл ладонью лицо и отхлебнул выше нормы красного вина.

– «Айвенго», – спокойно ответила мать, медленно насаживая на вилку кусочек черри.

Питер всегда поднимал ему настроение. Даже в дождь, снег или другую типичную для этой части света пургу. Здесь не было запретов, было море и не так много понтов, как в Москве. И все же он почему-то удрал в эту самую Москву. Поближе к отцу, с которым не хотел встречаться, подальше от матери, которую любил больше всех на свете.

По пути из Пулково в город Бухарин ощутил какое-то странное чувство. Ему казалось, что он не скучает по Питеру и вообще не знает, что такое скучать. Но сейчас он ощутил жгучую тоску по Москве. Как будто его лишили любимого существа, без которого жить было невыносимо, хотя при жизни этого существа даже мыслей не было о подобных чувствах. По ком он скучал? По своей жене Вике? По своему отделу? По убежищу в башне? Или по Оле? При мысли о сестре своей мертвой напарницы он вздрогнул. Она вызывала у него противоречивые чувства. Грусть и вину. Обжигающую вину. Ведь сейчас своими действиями он подверг ее опасности. Бухарин не сомневался, что его тесть может навредить Оле. Ради своей дочери отставной фээсбэшник был способен на все.

Окинув взглядом здание отеля, Бухарин вдруг пошел в сторону Невы. Он неожиданно понял, что ему не хочется входить эту гостиницу, погружаться в ее атмосферу, которая засела в его мозгу в виде слишком приятных воспоминаний. Нужно что-то новое. В самолете он услышал адрес отеля, в который летела парочка, сидевшая позади. Колени этих людей не били в кресло Дениса, как это часто бывает, и не подпирали его спину. Вместо адресов пафосных ресторанов они обсуждали музеи. Долго спорили, куда лучше пойти сначала – в Музей Набокова или в Кунсткамеру.

– Галерная, 50, – сказал Денис водителю, машину которого, как это обычно бывает в Питере, он поймал прямо на улице.

– Галерная, 50, – пробубнил себе под нос шофер, вокруг шеи которого почему-то была повязана арафатка.

Чем дальше машина удалялась от Восьмой линии, тем спокойнее чувствовал себя Бухарин. С каких, черт возьми, пор он стал такой нервный? Ответ был очевиден: все проблемы с психикой начались после смерти его напарницы Ритки. Но сколько это будет продолжаться?

– Галерная, 50, – пробубнил снова водитель в арафатке и резко тормознул около доходного дома.

Бухарин вышел из машины и набрал в легкие кислорода. Родной питерский воздух, который при долгом отсутствии сбивает с ног, переполняя артерии и сосуды холодной балтийской свежестью. Но долго стоять на улице не хотелось, и Бухарин, как летучая мышь, сбита с маршрута и пытающаяся найти укрытие, быстро вошел в здание.

Денис стоял у ресепшена, заполняя бланки. В кармане завибрировал айфон. Московский номер.

– Бухарин.

– Бывший следователь Бухарин.

Голос Жданова. Тупого напыщенного следака, который всем своим видом показывал, как ненавидит Бухарина.

– Чем обязан?

Жданов откашлялся.

– Кто тебе давал право допрашивать свидетелей? Ты больше не работаешь в СК. Неудачник и заноза в заднице нормальных людей. Не завидую твоему начальству. Если оно вообще будет.

Денис выдохнул. Он так сильно сдавил трубку, что почувствовал, как пальцы холодеют и в них начинает покалывать.

– Все?

– Если я узнаю, что ты суешь свой поганый нос в нашу работу... Ты меня понял, короче.

– Не-а. Язык приматов мне не знаком.

Бухарин отключил айфон и мило улыбнулся девушке-администратору. Видимо, Жданова поставили на его место. Бедный Крот, нелегко ему придется с новым напарничком. Денис взял ключи от номера и пошел в поисках своего убежища, надеясь, что содержимое бара успокоит его закипающий после короткого разговора со Ждановым мозг.

XXII

С Финляндского вокзала Ася добиралась до Галерной гавани очень долго. На Ваське она провела все пять лет учебы в университете, и гавань знала очень хорошо. Как раз неподалеку были гаражи, где она зависала сутками, печатая свои пленки. Здесь не было туристов, как в центре, хотя все ее однокурсницы любили тусить именно там. Весна в Питере, как и зима, и осень, и уж тем более лето, всегда была запружена разными национальностями, которые развозили по Северной столице свои ожидания, впечатления, надежды, мысли и вирусы.

Кисель написал адрес, где они должны встретиться, чтобы передать ей ключи от своей берлоги. Там Асе предстояло разместиться на некоторое время, пока она не найдет работу и не снимет собственный уголок. Интересно, что за конуру нашел Кисель в качестве местообитания? Этот огромный по росту и телосложению дядька не мыслил жизни без компьютеров, в которых разбирался как бог. Хотя никакого образования он не получил, в отличие от Аси. Они с Киселем много общались в Выборге, однако после школы дороги их разошлись. Ася уехала в Питер учиться, а Кисель остался в родном городе. Через пару месяцев он просто исчез, и мама говорила, что вроде бы он уехал в Финку, но кто-то из соседей видел его в «Шоколаднице» около Московского вокзала в СПб. Больше Ася о нем ничего не слышала лет шесть.

Однажды она снимала на пароходу вечеринку крупной корпорации по каким-то инновациям. В выходные Ася частенько подрабатывала, чтобы доказать Олегу, что не только он добытчик в их псевдосемье. На этом мероприятии она запомнила только слова «Сколково», «миллиард долларов» и «передовые умы России». У нее эти словосочетания вызывали вполне определенные ассоциации: очкастые задроты, ковыряющиеся в ноутбуках и своих носках. Но на пароходу она увидела разношерстную публику: вполне приличных молодых людей и их начальников в презентабельных костюмах. Она даже готова была изменить свое мнение о задротах, но вдруг увидела какое-то рыхлое создание с до боли знакомыми алыми щеками. Кисель! Тогда она узнала, что он работает в Москве программистом, зашибает кучу денег, но планирует все это бросить. Ася тоже бросила все. Любимую работу, Олега, хотя для нее – понаехавшей – этот вариант был единственно верным решением и возможностью зацепиться в Питере, особо не напрягаясь. Вот только Асю почему-то тянуло на волю, где не было ничего и одновременно было все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.